Гуманитарная парадигма

2023

№ 4

ISSN: 2523-4218 (online)

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 4 (27) 2023 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: Л. Н. Икитян, ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте http://humparadigma.ru

E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использовано изображение Beautiful Ice Crystals - by Pezibear https://pixabay.com/p-1997288 по лицензии «Creative Commons Zero»

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия (Симферополь), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русская филология, славяноведение и балканистика», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (Евпатория), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Содержание

Культурно-историческое наследие

Кожин В. В.
Интервью как личностный источник: диалоги с княгиней Е. А. Юрьевской-Барятинской (Оболенской) в переводе Мих. П. Чехова 6

Вавулинская Л. И.
Демобилизованные воины и семьи военнослужащих в Карелии: положение и государственная поддержка (1944–1948 гг.) 30

Литературоведческий аспект

Боева Г. Н.
Города как вехи творческого самосознания Е. Л. Шварца 40

Корчевская О. В.
Авторские конструкции со словом «amori» у М. Волошина: проблема перевода и интерпретации 50

Кожин В. В.
Гурзуфский мир Марины Цветаевой: аспект литературного наследия 56

Вопросы лингвистики

Корниюк Д. Д.
Способы образования эрративов 68

Авторам 75

Content

Cultural and historical heritage

Kozhin W. W.
Interview as a personal source: dialogues with princess E. A. Yurievskaya-Baryatinskaya (Obolenskaya) translated by Mikhail Chekhov 6

Vavulinskaya L. I. 30
Demobilized soldiers and military families in Karelia: the situation and state support (1944–1948)

The literary aspect

Boeva G. N.
The cities as milestones of E. L. Schwartz's creative identity 40

Korchevskaya O. V.
M. Voloshin's expressions with the word "amori": The problem of translation and interpretation 50

Kozhin W. W.
Gurzuf world of Marina Tsetaevaya: aspect of literary heritage 56

Questions of linguistics

Korniiuk D. D.
Ways of erratives' formation 68

For Authors 75

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Культурно-историческое наследие

УДК 930.2(075.8)

Кожин Владислав Владимирович
Главный хранитель,
ГБУК РК «Крымского литературно-художественного
мемориального музея заповедника»,
Российская Федерация, Ялта, e-mail: kozjin@bk.ru

ИНТЕРВЬЮ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ ИСТОЧНИК: ДИАЛОГИ С КНЯГИНЕЙ Е. А. ЮРЬЕВСКОЙ-БАРЯТИНСКОЙ (ОБОЛЕНСКОЙ) В ПЕРЕВОДЕ МИХ. П. ЧЕХОВА

В статье вводится в научный оборот и впервые комментируется выявленный автором документ личностного происхождения в переводе Мих. П. Чехова, представляющий собой запись интервью, сделанного в 1926 году для неизвестного зарубежного издания. Материалы, касающиеся жизни и быта дочери российского императора Александра II, урождённой светлейшей княжны Юрьевской (в замужестве Барятинской и Оболенской), позволяют существенно восполнить недостающие места в историко-бытовой канве Ялты 1870–1910-х годов, добавив несколько ярких штрихов к истории дворянских гнёзд и усадеб «русской Ниццы». Выявленный мемуарный источник, точность фактов которого во многих аспектах представляется возможным проверить или уточнить по косвенным независимым документам, позволяет ввести в научный оборот неизвестные ранее сведения о благотворительности князей Юрьевских и Барятинских, об их взаимоотношениях с Царской фамилией, а также дополнить картину быта усадьбы «Сельбиляр» в самом начале XX века.

Автор выражает благодарность и искреннюю признательность руководству и коллективам Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село», Курского областного краеведческого музея и Ялтинского историко-

литературного музея за предоставленные для публикации изображения, без которых статья бы была лишена своей полноты и документальности.

Ключевые слова: *Александр II; Барятинские; князья Юрьевские; Биюк-Сарай; Мих. П. Чехов; ГАРФ; дворянский быт; Дом-музей А. П. Чехова в Ялте; источниковедение; мемуарный документ; краеведение; музейное дело; Ялта.*

Wladyslaw W. Kozhin
State Budgetary Institution of Culture of the Republic of Crimea
"Crimean Literary and Artistic Memorial Museum",
A. P. Chekhov house-museum in Yalta;
Russian Federation, Yalta

INTERVIEW AS A PERSONAL SOURCE: DIALOGUES WITH PRINCESS E. A. YURIEVSKAYA-BARYATINSKAYA (OBOLENSKAYA) TRANSLATED BY MIKHAIL CHEKHOV

Abstract. *In this article, a document of personal origin, translated by Mikhail Chekhov identified for the first time by the author & introduced into scientific circulation with comments. Historical typewrite of an interview, made for an unknown foreign publication in 1926 details the life of the youngest daughter of the Russian Emperor Alexander II, née H. S. H. Princess Yurievskaya (married Baryatinskaya and Obolenskaya). It all make possible to significantly fill the missing places in the historical and everyday outline of Yalta in the 1870–1910s, adding a few bright touches to the history of noble homes and estates of "Russian Nice". The identified memoirs, accuracy of the facts of which can be verified & clarified using indirect independent documents, makes possible to introduce into scientific circulation previously completely unknown information about the charity of the Yurievsky and Baryatinsky clans, their relationship with the Tsar's family, as well as to complement the picture of the life of the «Selbilyar Manor» at the very beginning of the XXth century.*

Key words: *Alexander II; Baryatinsky; prince Yurievsky; Biyuk-Saray; Chekhov, Mikh. P.; SARF; House-Museum of A.P. Chekhov in Yalta; local history; memoir document; museum affairs; noble life; source study; Yalta.*

Для цитирования:

Кожин, В. В. Интервью как личностный источник: диалоги с княгиней Е. А. Юрьевской-Барятинской (Оболенской) в переводе Мих. П. Чехова // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 6—29.

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

По праву фондовое собрание «Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника» считается одним из наиболее полных мемориальных коллекций чеховской семьи. Безусловную ценность для исследователя представляют личные вещи А. П. Чехова: библиотека писателя, документы, связанные с издательской деятельностью, гонорарные листы и предметы, окружавшие писателя в повседневной жизни, сохранившиеся в подлинном жилом пространстве по состоянию на 1904 год.

Сохранность мемориального пространства и документов была бы невозможна без стараний двух родных Антону Павловичу людей — сестры Марии Павловны и брата Михаила Павловича, который поселился в Ялте с 1926 года и помогал сестре в управлении музеем. Здесь мы говорим о той части собрания, что непосредственно касается Михаила Павловича Чехова (1865–1936) в то время, когда он был первым научным сотрудником музея А. П. Чехова в Ялте.

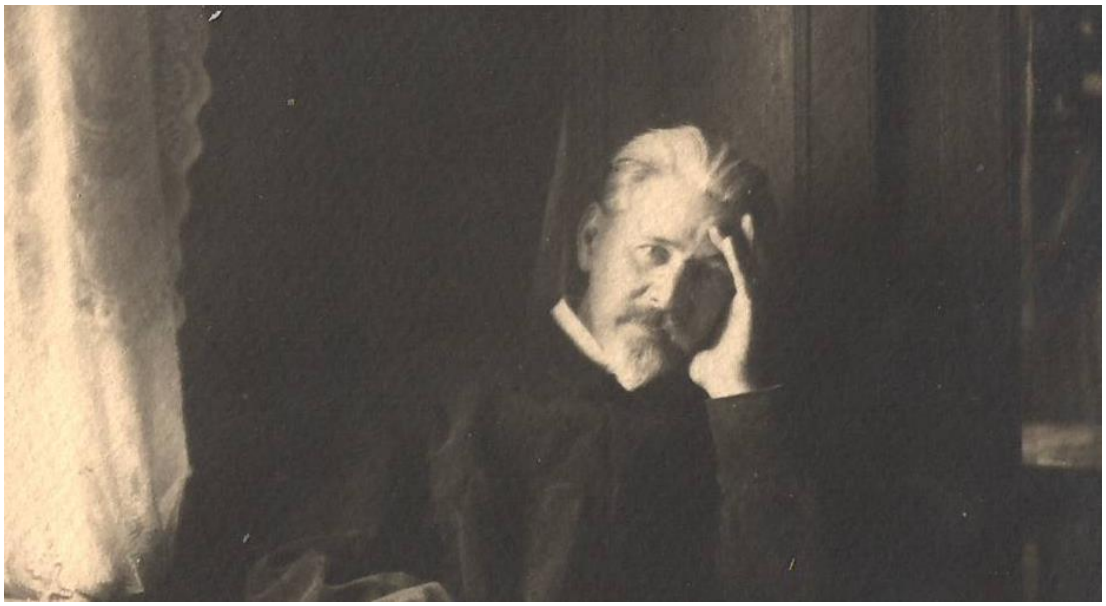
Фигура Михаила Павловича чрезвычайно многогранна: он и юрист (в ялтинском музее хранятся материалы его диссертации на соискание звания доктора права), и художник-любитель, и музыкант, и драматург — его пьесы[1] и теперь с успехом ставятся на подмостках театров, а на его стихи пишется музыка современными авторами; он и один из детских дореволюционных писателей[2], почти десять лет издававший прекрасный журнал «Золотое детство», проявив себя незаурядным, изобретательным и плодовитым автором, заслужив похвалу одного из родоначальников теории народного образования в России академика Николая Владимировича Чехова (своего четвероюродного брата), и, конечно же, талантливый переводчик. Известно, что особенно преуспел Михаил Павлович в переводе английской и французской беллетристики, приключенческих романов и водевилей — его собственная манера повествования весьма точно соответствовала этим жанрам, и всё, что имело детективный или приключенческий элемент, неизменно находило отклик его творческой натуры. Именно с переводческой

[1] Написал несколько драматических произведений («Голубой бант», «Хоть ложись, да умирай», «За 20 минут до звонка» и др.). С 1903 года он стал издавать собственный журнал «Европейская библиотека», но денег хватило только на несколько номеров. Его статьи, рассказы, юмористические произведения и очерки по общим вопросам печатались в «Свете и тенях», «Новостях дня», «Будильнике», «Русском сатирическом листке» и др. под псевдонимами М. Б-ский, М. Ч., Максим Холява, Капитан Кук. В 1904 году был издан сборник «Очерки и рассказы» и вышла отдельным изданием повесть «Синий чулок», в 1905 году — повесть «Сироты». В 1910 году появился сборник рассказов «Свирель». Второе издание «Очерков и рассказов» по представлению почётного академика А. Ф. Кони получило Пушкинскую премию Академии наук (почётный отзыв).

[2] Деятельно сотрудничал в «Детском чтении», «Детском отдыхе», «Друге детей», под псевдонимом М. Богемский. В 1920-х годах вышло в свет несколько книжек его рассказов для детей (под псевдонимами К. Треплев и С. Вершинин).

деятельностью, неутомимым энтузиазмом и подлинным художественным чутьём Михаила Павловича Чехова и связано наше исследование.

Самым известным и узнаваемым его псевдонимом стал «М. Богемский». Им подписана и одна из последних работ Михаила Павловича, законченная осенью 1936 года и авторизованная рукой его сына Сергея[3] — предмет нашего исследования [4].



Михаил Чехов в Ялте, в своей комнате у письменного стола. 1930-е годы
Фонды КЛХММЗ КП 4002/23

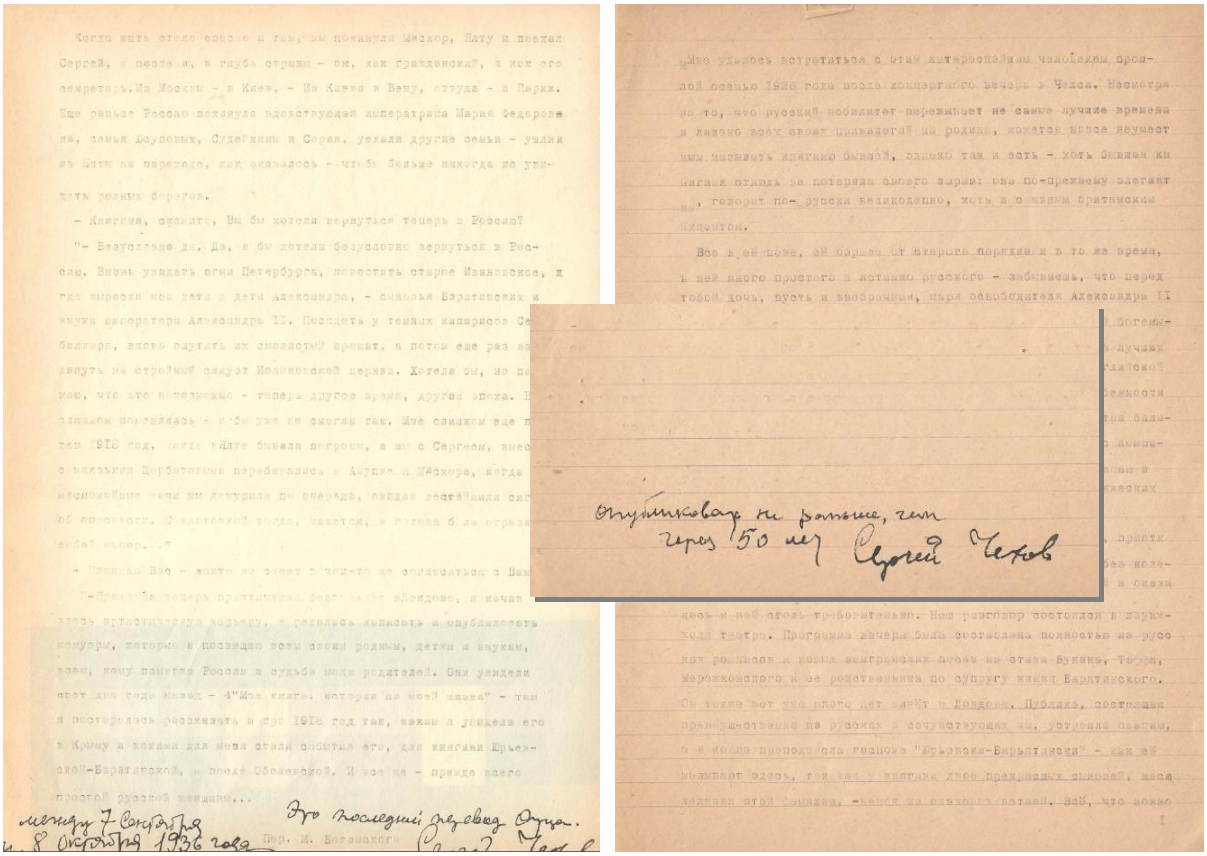
Архив Сергея Михайловича Чехова, попавший в музей в 1980-е годы от его сестры Евгении Михайловны, продолжает удивлять и в наше время — он становится источником комплектования мемориальной фондовой коллекции, порой преподнося сотрудникам музея подлинные сокровища, неизвестные или забытые. Архив имеет уникальную сохранность и целостность. Документы, на первый взгляд, разрозненные, обнаруживают тонкую систему, озаглавленную Сергеем Михайловичем просто и лаконично: «Гурзуф и Кучук-кой», «Музей», «Мемориальность», «Родословная» I и II тома и т. д. Листы внутри папок пронумерованы карандашом, что исключает путаницу или смешивание их с другими материалами.

Так, в 2022 году в папке «Гурзуф и Кучук-кой» была выявлена машинопись, сделанная в сентябре–октябре 1936 года. Согласно атрибуции, сделанной Сергеем Михайловичем Чеховым чёрными чернилами от руки на

[3] Михаил Павлович Чехов умер 14 ноября 1936 года в Ялте. Сергей Михайлович был спешно вызван в Крым из Москвы и занимался разбором бумаг отца. Рукой Сергея Михайловича сделаны некоторые заверительные и пояснительные записи, а также написана первая заметка об отце как научном сотруднике музея и историке чеховской семьи. Эта заметка послужила нам образцом почерка для заключения подлинности анализируемого документа.

последнем листе, над отпечатанным на машинке псевдонимом «М. Богемский» значится: «Между 7 сентября и 8 октября 1936 года. Это последний перевод отца. Сергей Чехов». На обороте листа, у нижнего среза той же рукой отмечено «Опубликовать не раньше, чем через 50 лет. Сергей Чехов».

Странность, на первый взгляд, данной приписки становится вполне понятной, если обратиться к названию машинописи, сложенной в самодельную полупапку из старой грубой бумаги, на которой простым карандашом, скорее выдавлено, чем написано лаконичное название (вероятнее всего, наскоро сделанное рукой самого Михаила Павловича) «Диалоги с княгиней Екатериной Юрьевской-Барятинской Оболенской-Нелединской-Мелецкой» [4].



Фрагменты машинописи Мих. П. Чехова
(первый и последний лист, фрагмент оборота)

В материалах, зафиксированных в этом документе исключительной, на наш взгляд, ценности, прослеживается интерес Михаила Чехова и к историческому контексту эпохи и, как ни странно, к элементу авантюрному, приключенческому. События, описанные в «Диалогах», охватывают временной промежуток с 1878 по 1926 годы и могут быть чрезвычайно интересны для краеведческой, исторической и музейной работы, поскольку

главная личность документа, рассказчик — дочь императора Александра II и Екатерины Михайловны Юрьевской (ур. Долгорукой)[4] Екатерина Александровна Юрьевская (1878–1959), в первом браке княгиня Барятинская, во втором — княгиня Оболенская-Нелединская-Мелецкая.

Е. А. Юрьевская-Барятинская (позже Оболенская), дочь Александра II, автор интервью.
Тиражные открытки начала XX века

Чем яснее представляется статус этого человека и его положение в обществе дореволюционной России, тем удивительнее кажется смелость

[4] Екатерина Михайловна Долгорукова (Долгорукая), с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская (2 ноября 1847 Москва, Российская империя – 15 февраля 1922, Ницца) с 1880 г. вторая, морганатическая, супруга императора Александра II; до того, с 1866 года, его фаворитка. Е. М. Юрьевская стала хранительницей памяти об Александре II и, сохранила сотни архивных документов и мемориальных вещей, связанных с царём-освободителем. Уже в 1881 году её трудами был открыт первый в России мемориальный музей Александра II. Не принятая семьёй наследника, будущего императора Александра III, и осуждаемая светом, княгиня была вынуждена подолгу жить за границей (более объективными представляются воспоминания великого князя Константина Николаевича, князя С. П. Оболенского, великой княгини Ольги Александровны и Александра Михайловича, а также камер-фрау В. П. Боровиковой.

переводчика-учёного Михаила Чехова, дерзнувшего найти (каким-то образом получить оригинал на английском!), перевести и напечатать на машинке подлинное интервью совершенно чуждого в 1930-х гг. советскому обществу «классового элемента».

Не будет преувеличением сказать, что «диалоги с княгиней» могли стоить свободы, а то и жизни как самому Михаилу Чехову, так и его близким, именно потому этот материал, конечно, сразу был спрятан. Однако, сам факт существования такого идеологически предосудительного документа, говорит о том, что Михаилу Павловичу как исследователю интересен был, прежде всего, сам материал «Диалогов». В глазах переводчика, историческую ценность придавали упомянутые в документе личности, прописанные в нём характеры и образы места, детали событий и положений, в сравнении с которыми конфликт идеологии был несущественен.

«Диалоги» представляют собой запись интервью с Е. А. Юрьевской-Барятинской, сделанного, вероятно, для эмигрантского англоязычного издания, предполагавшегося к печати в 1927–1928 годах. Кто является интервьюером — неизвестно. Имя этого человека либо в оригинале не указывалось, либо было сознательно опущено Михаилом Чеховым при переводе, как и название возможного издания.

В настоящее время невозможно установить первоисточник: было ли это печатное издание либо макет публикации, по какой-то причине, не вышедшей в печать (поиск методом обратного перевода по оцифрованным материалам зарубежных библиотек не дал результатов). Мы предполагаем, что использовалась всё же рукопись или оригинал-макет (возможно стенограмма) интервью, теперь утраченного, что делает перевод Михаила Чехова чрезвычайно ценным документом, возможно, сохранившимся в единственном экземпляре.

Отметим также, что текст является образцом лаконичного и простого стиля повествования, присущего литературной манере Михаила Чехова, которую мы можем увидеть в книгах, таких как «Вокруг Чехова», в пьесе «Двадцать минут до звонка», в переводе из Марка Твена «Рай или ад». Характерные особенности повествования, отражённые в перечисленных произведениях позволяют атрибутировать текст собственно, как Михаила Чехова, поскольку те же приёмы, конструктивные особенности построения фраз и манера известных нам переводов прослеживаются и в «Диалогах», тексте, лишённом вычурности и перегруженности лексических конструкций.

В «Диалогах» нашли отражение чрезвычайно интересные и весьма подробные факты из истории Ялты. В тексте называются имена множества исторических деятелей, вскрываются семейные и дружеские взаимо-

отношения целого ряда дворянских фамилий на фоне происходящих масштабных исторических событий (трагедии 1881 года; гражданской войны в Крыму), и что немаловажно — упоминаются имена М. П. Чеховой и целого круга близких к ней лиц[5]: Судейкиных, художника Сорина. Стоит ли говорить о том, что для Ялты и Крыма имена Барятинских, Оболенских, Александра II и князей Долгоруких (помноженных на связь с Чеховыми) имеют первостепенное значение?

С известной долей вероятности можно предполагать, что первоначальный документ, попавший в руки Михаила Павловича Чехова, мог быть из архива самой Екатерины Александровны Юрьевской-Барятинской или, во всяком случае, из круга, приближённого к ней. И в этом аспекте неслучайной нам кажется фигура профессора М. П. Сокольникова[6], в своё время хорошо знавшего Михаила Павловича Чехова [8] и редактировавшего вступительный комментарий к академическому изданию «Вокруг Чехова» [12] в 1933 году, а также осуществившего совместно с С. М. Чеховым публикацию повестей, рассказов и очерков «Свирель» в 1969 году (в этой книге М. П. Сокольников взял на себя работу по составлению, подготовке текста и написанию вступительной статьи, С. М. Чехов составил комментарий, а сын его, Сергей Сергеевич, создал иллюстративный материал). Не только близкое общение М. П. Сокольникова с Михаилом Павловичем делает интересной для нас фигуру профессора-искусствоведа. Обнаруженная нами на аукционе небольшая художественная работа «Амур и Психея» [3] авторства знаменитого рисовальщика Фёдора Толстого[7] из альбома княгини Долгоруко[во]й (Юрьевской) (матери автора наших «Диалогов») и подаренная в 1930-х годах[8] Михаилом Чеховым М. П. Сокольникову может быть интересным недостающим звеном в цепочке их взаимоотношений.

Более того, вероятно, именно это изображение связано с именинами княжны Долгорукой 24 ноября 1871 года, которой Александром II в подарок

---

[5] Предполагаем, что именно эти данные стали одним из основных факторов интереса Михаила Чехова к документу и его перевода.

[6] Михаил Порфирьевич Сокольников (1898–1979) — искусствовед, литератор, журналист, один из организаторов Союза художников РСФСР, художественный редактор издательства «Academia», автор более 50 монографий о мастерах живописи и графики.

[7] Граф Фёдор Петрович Толстой (1783–1873) — русский живописец, художник-медальер и скульптор, представитель позднего русского классицизма, вице-президент Императорской Академии художеств, тайный советник.

[8] Дата «1938» на обороте рисунка «Амур и Психея» сделана шариковой ручкой, что говорит о её более позднем появлении и возможной неточности датировки.

были подготовлены «…гравюра[9] с изображением маленького ангела, серьги, подвеска и запонки» [10, с. 153]. Екатерина Михайловна писала тогда: «Мне по вкусу, и всё это реликвия для меня, как и всё, что от тебя, мой обожаемый ангел» [Там же].

Ф. П. Толстой «Амур и Психея» [по оригиналу Франческо Бартолоцци 1789 года — Примеч. наше]. В рамке. Начало XIX в.
Листок из альбома княгини Долгоруковой (Юрьевской) и собрания Михаила Чехова [3]

Однако, кроме этого предположения, «увязывающего» историю Е. М. Долгорукой и собрания М. П. Сокольникова, остаётся неизвестным, как работа знаменитого художника могла попасть к Мих. П. Чехову. С определённой долей вероятности можно предположить, что «Амур и Психея» стали подарком М. П. Сокольникову, большому знатоку изобразительного искусства, взамен некоего документа, который мог заинтересовать Мих. П. Чехова, известного ценителя антиквариата и большого любителя истории. И таким документом могла стать рукопись или стенограмма «Диалогов». Эта наша гипотеза в отсутствие однозначных фактов имеет право на существование.

Так или иначе, всё вышеприведённое позволяет рассматривать «Диалоги», как важный самостоятельный элемент большого архива

[9] Не исключается часто встречающаяся в письменных источниках того времени путаница в названии художественной техники адресатами, не являвшимися профессиональными художниками.

светлейших князей Юрьевских, в частности семейного архива Екатерины Михайловны Юрьевской, который после смерти светлейшей княгини был разделён между её дочерьми[10] — Ольгой[11] и Екатериной[12], а теперь хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[13].

Данное пространное отступление было сделано с целью показать, насколько запутанными и сложными могут быть связи разрозненных документов и артефактов, и, несмотря на то что архив светлейшей княгини Е. М. Юрьевской, увы, не позволяет выявить авторство первоисточника, попавшего в руки Мих. П. Чехова, изучение «Диалогов» из собрания ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» в совокупности с собранием, хранящимся в ГАРФ Ф. 678 [5], может дать много нового и исследователю и указать направления дальнейшего поиска.

В «Диалогах» прослеживается эмиграционный момент, который мог быть интересен Михаилу Павловичу, и конечно, интересен для нас, ялтинцев, живущих в городе, который для целого поколения стал последним перед эмиграцией уголком России. Схожее впечатление мы находим у Екатерины Александровны: «Ялта изменялась на моих глазах — тот город, который я покинула навсегда, тот город, который для меня навсегда стал прощальным поклоном моей старой родины, был совсем уже не таким, каким он был, когда я впервые его увидела. Земляной берег, редкие и деревянные дома — одна только огромная гостиница у берега, да бульвар вдоль реки, и блестящая золотая маковка церкви-маяка на холме, вот все, что видела я ребенком… а

---

[10] Всего у Александра II и Екатерины Михайловны Долгоруковой (с 1880 года — светлейшей княгини Юрьевской) было 4 детей, рождённых до официального брака с императором: Георгий (1872–1913); Ольга (1873–1925, в замужестве графиня фон Меренберг); Борис (1876) — умер в младенчестве; Екатерина (1878—1959). В настоящее время существуют потомки по линии Георгия Юрьевского и графини фон Меренберг (являющиеся одновременно потомками Александра II и А. С. Пушкина).

[11] Ольга Александровна Юрьевская (27 октября (7 ноября) 1873, Ялта [10] — 10 августа 1925, Висбаден) — светлейшая княжна, графиня Меренберг; дочь, рождённая до брака императора Александра II и княжны Е. М. Юрьевской, позже узаконенная с присвоением титула светлейшая княжна Юрьевская. 12 мая 1895 года в Ницце вышла замуж за внука А. С. Пушкина — графа Георга-Николая фон Меренберга (1871–1948), после титуловалась графиней фон Меренберг. До революции вместе с сестрой часто гостила в Ялте.

[12] Екатерина Александровна Юрьевская (1878–1959) — замужем за А. В. Барятинским, а после за С. П. Оболенским.

[13] Отдельная часть документов Е. М. Юрьевской неизвестным образом перешла не только к Н. И. Маркову, но и к В. И. Шебеко [10, с. 333]. После её смерти в 1931 году именно эта часть архива (Маркова и Шебеко), была распродана с аукциона, о котором упоминает барон Фальц-Фейн, а также А. Тарсаидзе, но это была уже не вина наследников (Каталог распродажи коллекции памятных вещей, предметов искусства, ювелирных изделий, принадлежавших царю Александру II, собранных его морганатической супругой покойной княгиней Юрьевской хранится в ФГБУК «Государственный музей-заповедник “Петергоф”» ГМЗ Пф КП 53514).

еще горы, перевалы, балки и безлесные холмы» [4, л. 8]. Интересно, что княгиня эмигрировала из России, на самом деле через Москву и Киев, однако именно на Ялте она решила остановиться в своих воспоминаниях, как на символе старой жизни.

Красноречивы и строчки, посвящённые жизни в период гражданской войны: «В Ялте с 1917 года проживал мой сын Андрей, и я также была на юге, пока над севером сгущались тучи. После мы жили в Алупке и Мисхоре, в Ялте стало небезопасно совсем, а там мы присоединились к компании художников, переживавшим те же лишения. Это были Сорин и Судейкины, с сочувствующими им Хотяинцевой и Билибиным, с Марией Чеховой, сестрой писателя создали что-то вроде коммуны.

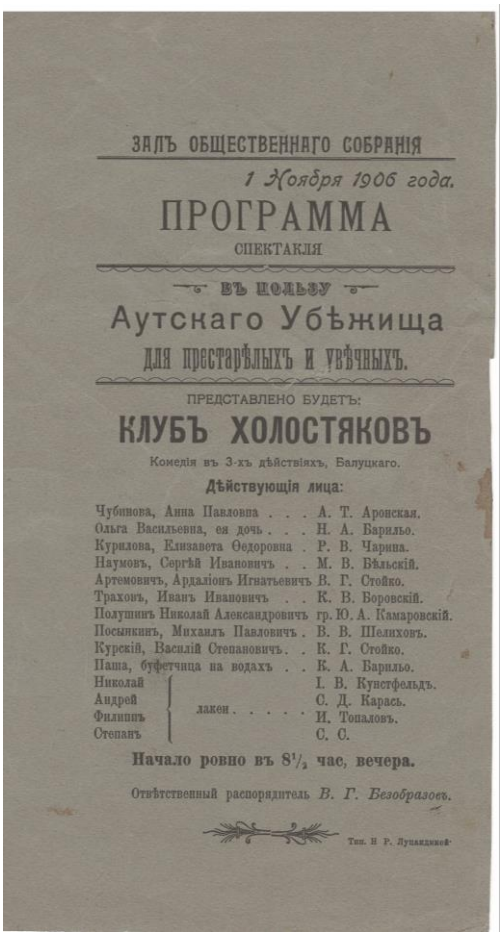
Я не боялась никакого труда — с Сергеем мы дежурили по ночам с винтовками, а днём я готовила еду и ходила в лес. Сорин тогда написал портрет Сергея, который мне очень нравился и все нашли его необыкновенно удачным. Когда жить стало опасно и там, мы покинули Мисхор, Ялту и поехал Сергей, а потом я, в глубь страны — он, как гражданский, я как его секретарь» [4, л. 11].

Отдельное место в «Диалогах» отведено истории взаимоотношений Е. М. Юрьевской, урождённой Долгорукой, и императора Александра II, а также — как не удивительно, — музейному вопросу, ведь именно княгиня Юрьевская стала хранительницей мемориального наследия царя-освободителя, сохранила многотысячный архив, включая даже детские тетради государя, с правками наставника Василия Жуковского, дневники Александра и предметы его быта. В своём первом завещании 1883 года она указывала сохранять всё, что было связано с Александром II — все портреты, фотографии, групповые снимки [13; 10, с. 627]. Также она сохранила гардероб царя. Всё это в большей степени так или иначе вернулось теперь в Россию, а обнаруженный нами в архиве Михаила Чехова документ позволяет добавить несколько существенных штрихов к истории взаимоотношений супругов.

Любопытным для краеведения должны показаться упоминания интерьеров ялтинской усадьбы Барятинских «Сельбиляр», а также благотворительного вечера, устроенного хозяевами усадьбы зимой 1905 года, целью которого был сбор средств на устроение прибежища для неимущих и больных при Аутском Успенском храме Ялты.

Удивительно точно и подробно княгиня Юрьевская-Барятинская приводит хорошо известные нам (и, впрочем, Михаилу Чехову) имена, отдельно упоминая прославленное сопрано Аделину Патти: «Семья моего супруга пригласила артистку на торжественный обед, данный по случаю годовщины манифеста 19 февраля/3 марта, и случилось так, что это был день

рождения Патти, что ее весьма воодушевило. Вечер состоялся в большой и просторной гостиной зале с камином и выходом в сад. Были раскрыты внутри все двери, включая широкий портал английской столовой. Так большой холл со стеклянным плафоном, объединенный с гостиной и столовой, стал единым пространством, где могло собраться вместе многочисленное семейство и гости. Здесь была вся интеллигенция, включая губернатора Ялты и Крыма Думбадзе, гласного думы Усатова, моего наставника сценического мастерства, который к слову был учителем прославленного баса Шаляпина; ялтинских благотворителей: Татариновой, владелицы соседнего имения шталмейстера Иловайской, которая, как оказалось, прекрасно знает Патти, словом — весь интеллигентный свет. В то время княгиня Надежда Александровна занималась делами приюта при ближайшем к имению Успенском храме, на это требовались существенные средства и помощь других неравнодушных была очень кстати. Тогда были устроены договорённости о благотворительных вечерах и концертах, которые брала на себя госпожа Татаринова и Барятинские — Надежда и Мария, её кузина. Татаринова обещала приглашать в Ялту чету Фигнер и господина Петипа, Станиславского — что как я знаю, ей превосходно удавалось — сборы были немыслимые» [4, лл. 14–15].



ЗАЛЪ ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ

1 Ноября 1906 года.

ПРОГРАММА

СПЕКТАКЛЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ

Аутскаго Убѣжища

для престарѣлыхъ и увѣчныхъ.

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ:

КЛУБЪ ХОЛОСТЯКОВЪ

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Балуцкаго.

Дѣйствующія лица:

Чубинова, Анна Павловна . . . А. Т. Аронская.
Ольга Васильевна, ея дочь . . . Н. А. Барильо.
Курилова, Елизавета Ѳедоровна . Р. В. Чарина.
Наумовъ, Сергѣй Ивановичъ . . М. В. Бѣльскій.
Артемовичъ, Ардаліонъ Игнатьевичъ В. Г. Стойко.
Траховъ, Иванъ Ивановичъ . . К. В. Боровскій.
Полушинъ Николай Александровичъ гр. Ю. А. Камаровскій.
Посынкинъ, Михаилъ Павловичъ . В. В. Шелиховъ.
Курскій, Василій Степановичъ . . К. Г. Стойко.
Паша, буфетчица на водахъ . . К. А. Барильо.
Николай, Андрей, Филиппъ, Степанъ — лакеи . . . . . І. В. Кунстфельдъ. С. Д. Карась. И. Топаловъ. С. С.

Начало ровно въ 8½ час, вечера.

Отвѣтственный распорядитель *В. Г. Безобразовъ.*

Тип. И. Р. Лукьяновой.

Программа благотворительного спектакля «Клуб холостяков», 1 ноября 1906 года, поставленного при участии Ф. К. Татариновой в пользу Аутского Убежища для престарелых и увечных. Альбом Ф. К. Татариновой. Собрание ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

Нам хорошо известны и Усатов, и Иловайская, и благотворительная деятельность князей Барятинских, а публикации Марины Марковны Сосенковой повествуют об успехе предприятий Татариновой. Уникальным свидетельством того периода, по-видимому, стал листок концертной программы 1906 года из альбома Ф. К. Татариновой, сохранившийся в фондах Крымского-литературно-художественного мемориального музея-заповедника.

Фондовое собрание Ялтинского историко-литературного музея позволяет пролить свет на историю второго брака Екатерины Александровны, которая вышла замуж за князя Оболенского в

Ялте, в военный 1916 год. Здесь хранится метрическая книга с подробной записью о венчании в храме Иоанна Златоустого [6].

Однако ялтинский «элемент» диалогов княгини на этом не заканчивается — ведь и жизнь Екатерины Александровны началась с нашего города. Здесь 9 сентября 1878 года она появилась на свет в маленьком домике своей матушки (так княгиня называла Екатерину Михайловну) в имении Биюк-Сарай[14], до сих пор частично сохранившемся (в частности, дом управляющего (по другим источникам — господский дом, сторожка [поздняя], планировка парка, отдельные старинные деревья[15] и ограда) на территории современного Пионерского парка, у самого берега Учан-Су. Воспоминания о Биюк-Сарае поэтичны и трогательны и могут дать много нового любителям истории Ялты, так как написаны точно, правдиво и живо: «...я родилась в Ялте в имении матушки в 1878 году. Крестили меня в соборе святого Исаакия в Санкт-Петербурге, при восприимстве князя Александра Рылеева и тётушки, княгини Марии Мещерской. Всё было обставлено так, будто бы родилась наследная княжна или, как это принято здесь — принцесса. Это всё безумно обескураживало мою матушку, Екатерину Долгорукую, позднее возведённую в титул светлейшей княгини Юрьевской» [4, л.6].

Е. А. Юрьевская в 1893 году. Ателье Э. Уэстли (архив автора, экспонируется в Музее-усадьбе Н. А. Барятинской в Ялте)

Живое напоминание об Александре II должно было бы сохраниться еще в Крыму. Благодаря тому, что в Ялте у матушки была собственная дача у самой окраины города, в конце бульвара, выходящего одним концом на променад. С этим городом, Ялтой, я познакомилась еще в младенчестве. Матушка очень жалела потом, что продала одному профессору медицины этот дом — с ним у неё были связаны самые теплые воспоминания — здесь родились её дочери. Не знаю, цело ли теперь это имение, в самом названии которого была какая-то ирония. В самом

[14] В машинописи, как и в переписке Е. М. Юрьевской и Александра II, как и в воспоминаниях В. П. Боровиковой, употребляется старая фонетическая форма «Бьюк».

[15] До сих пор в парке цел огромный тополь в обхвате более 4-х метров, предположительно запечатлённый в отдалении на фото [6] (см. Далее).

деле, ведь Биюк-сарай на крымском языке — это «Большой дворец». А так по-русски называли дворец императора в Ливадии. Но наш был маленький деревянный дом. Для влюблённых он, наверное, казался действительно большим[16].

Дом владельца (управляющего?) при въезде в имение Биюк-Сарай (в бытность хозяйкой его Е. М. Юрьевской).
Учитывая, что тополя заметно ниже, чем на предыдущем снимке, а также отсутствие некоторых поздних построек, эта фотография сделана в самом начале 1880-х гг. (колоризовано по технологии DeOldify.) Крайний большой тополь в отдалении, в парке, безусловно, помнящий Александра II, сохранился до сих пор.
Фондовое собрание МБУК «Ялтинский историко-литературный музей» [7; 11]

[16] Любопытно, что этот дом действительно был для Александра II и Е. М. Юрьевской особенным местом, поскольку буквально через день они ездили в это имение из Ливадии в 1880-м году, когда брак уже был заключён.

У меня до сих пор хранится снимок с картины, написанной известным и модным в то время художником Маковским по просьбе матушки — на ней я с братом Георгием и сестрой Ольгой сидим на кушетке[17]. Мы счастливы: Георг в матросском костюмчике, мы в платьях — картина написана[18] по фотографии, снятой в ялтинской усадьбе графа Ностиц[19] на другом берегу реки от Биюк-сарая. Я помню этот момент, будто бы это было вчера.

...Помню, что с няней я легко могла обежать весь сад и прилежащие виноградники, растянувшиеся вдоль неубранной, извилистой горной речки, которая каждый раз в половодье меняла свое русло, рассыпая по берегам круглую блестящую гальку. Крутые местами берега зарастали ветлами и камышом. Нас с сестрой и братом не пускали к быстрой воде, но украдкой мы всякий раз приносили с собой с прогулки круглые разноцветные камешки — река приносила с собой, и в особенности после ливней, полупрозрачные дикие сердолики и яшму, а мы собирали их и раскладывали на подоконниках. Матушка запрещала горничной убирать их. Самые красивые камешки мы сохраняли для отца, что каждый вечер приезжал, чтобы навестить нас и пожелать доброй ночи нашему дому» (о привязанности Александра II к Биюк-Сараю и обычаях, заведённых в стенах крымского имения [см. 10]).

---

[17] Портрет был опубликован в журнале «Нива» (№ 42, с. 770) в 1915 году с примечательной подписью «Портрет детей светлейшей княгини Ю.» Возможно, Екатерина Александровна имела в виду вырезку из этого журнала, либо отдельную фотографию.

[18] История написания портрета детей Александра II и Е. М. Юрьевской сохранилась в воспоминаниях С. К. Маковского, где он передаёт мнение своего отца-живописца, не без иронии и неприязни отзывающегося о втором браке государя, однако заметившим, что единственным человеком всё время находившимся при теле Александра II, пока оно было во дворце была именно княгиня Юрьевская. По-видимому, этот факт поразил живописца. Если верить воспоминаниям, детский портрет этот дописывался уже в 1881 году, после убийства Александра II, однако если изучать фотографии детей, широко растиражированные в публикациях, то легко узнаются и позы, и черты лица, и особенности поворота головы моделей. Узнаётся и мебель старого Ливадийского дворца, по-видимому, также написанная со снимка (обычная практика работы художников фотографической эпохи: Ленбаха, Штука, Мухи и др.), что позволяет несколько скорректировать воспоминания сына художника. Вероятно, снимок графа Ностица реально имел место, но либо утрачен, либо не обнаружен.

[19] Усадьба графа И. Г. Ностица «Эталита» находилась (и находится) на другом берегу реки Учан-Су (*Ломоносовсий бульвар, 27*), соседствуя с исторической территорией имения Биюк-Сарай. Одни из самых ранних фотографий дома датированы 1885 годом (собрание музея «Архангельское»), но большинство авторов осторожно предполагают «рождение» Эталиты в 1882 или ранее. Вероятно, память Е. А. Юрьевской-Барятинской несколько подвела её в этом моменте, и интерьеры Ливадии смешались у неё с именем графа Ностица, который, как человек, приближённый к Александру II с 1860 года, мог быть вызван для фотографирования детей именно во дворец осенью 1880 года. Но, если всё же сведения верны – усадьба «Эталита» должна была существовать уже в 1880 году.

Мельком возникает Ливадия: «Недолго жила я в Ливадии и на правах светлейшей княжны[20]. Смутно помню светлую гостиную старого дворца с простой и безыскусной обстановкой[21] — но ярче всего мне запомнился фонтан у конюшен, где отец показывал нам своих рысаков. Помню, я испугалась морды фонтана, и верно заплакала, на что матушка рассмеялась и сказала, что зверь каменный, а я дурочка[22], и леди не престало бояться каменных чучел. Этот фонтан был на год старше моего брата Георга, ныне покойного».

Остов фонтана для водопоя лошадей рядом с конюшенными корпусами Ливадии. Арх. И. Монигетти (?), 1871 год. Фото автора. Каменная «морда», вероятно льва или коня, к сожалению, не сохранилась. Однако осталась дата, что позволяет отметить отменную память светлейшей княгини – Георгий Юрьевский родился в 1872 году

Даже эти, казалось бы, отвлечённые воспоминания Екатерины Александровны имеют много конкретики: звучат фамилии и лица, хорошо

[20] По сути, с Ливадией у Е. А. Юрьевской-Барятинской была связана только одна осень 1880 г. В дальнейшем она бывала, вероятно, только в новом Белом дворце (см. lалее).

[21] Вероятнее всего речь идёт о столовой Большого Ливадийского дворца, действительно светлой и простой, лишённой вычурности и тяжёлой позолоты. Такой она сохранилась на некоторых известных фотографиях и акварелях Л. Премацци.

[22] Интересную параллель с употреблением этого просторечного выражения, по-видимому, употреблявшемуся в семье, мы заметили в письме св. кн. Георгия, написанного матерью под диктовку для Александра II на фронт Турецкой войны в 1877 году.

Княгиня Екатерина Александровна Барятинская, последняя [ненаследственная] владелица Марьино.
С ней сыновья Андрей и Александр.
Фотокопия (около 1910 г.)
Из фондового собрания ОБУК «Курский областной краеведческий музей» [1]

известные в Крыму, а сведения о местности воспроизводятся почти с фотографической точностью.

Ялтинский элемент в аспекте усадебной культуры встречается в интервью и дальше: «С 1901 года семья моего дорогого супруга стала владеть обширным имением Ивановское[23], что было расположено в Курской губернии среди глухих, но живописных равнин, на берегу реки. Поселилась там и я на правах нового члена семьи. Для молодого поколения должны были пойти на пользу верховая езда и уклад старого быта. Огромный дворец был построен почти век назад, и я невольно чувствовала себя частью истории, когда меня со всех сторон окружали портреты и вещи из прошлого. Мне довелось заниматься и развитием поместья, я страшно гордилась тем, что полезна — за один только год мне удалось поправить его положение на 4000 рублей, что было совсем не так мало, как может показаться[24]...

Летом же мы уезжали в Крым, снова в Крым — где у княгини Надежды Александровны Барятинской и князя Владимира Анатольевича, родителей моего супруга, было имение в деревушке Аутка, выше Ялты — оно по-крымски называлось Сельбиллар (sic!), что значило „кипарисы“».

[23] Марьино — усадьба князей Барятинских близ села Ивановского Рыльского района Курской области. Роскошный дворцово-парковый комплекс основан князем И. И. Барятинским к 1820-му году. Имение было названо в честь двух жён князя: Марии Франциски Дюттон, умершей вскоре после рождения дочери, и Марии Фёдоровны Келлер. На окраине имения с более раннего времени сохранились палаты гетмана Мазепы. Майоратом Барятинских владел до революции, в том числе, князь-писатель В. В. Барятинский, ставший последним его наследственным владельцем.

[24] Эта сумма Екатерина Александровна не без гордости писала в «Воспоминаниях», что за первый год управления имением она сэкономила около 4 тысяч фунтов стерлингов [13, с. 20].

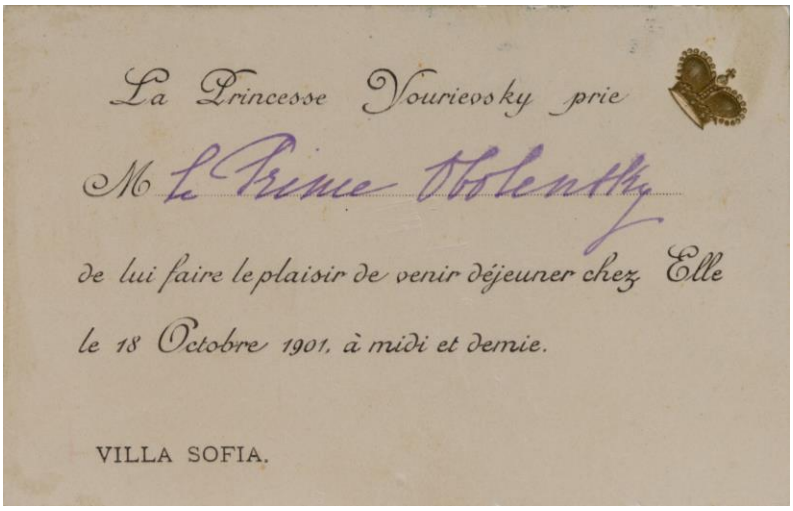
Отметим, что в интервью Екатерины Юрьевской-Барятинской отдельно даются уникальные сведения о благотворительности её матери, а также о её работе, направленной на сохранение памяти о царе-освободителе, в своё время, не снискавшее поддержки у высшего дворянства и даже императорской фамилии, отношения с которой у княгини Екатерины Михайловны Юрьевской поправились только к 1914 году (об этом также говорится в «Диалогах»). Пронзительно сквозь строки сухого текста пробивается живой голос дочери русского царя: «…и сохраняла все вещи вплоть до бытовых — удельное ведомство отдало ей гражданский мундир и костюм, парадные одежды, кители, любимый мундир Александра, матушка не позволила отнять у неё и окровавленную сорочку, мебель, бесчисленные атрибуты Его жизни — до самых мелочей! — всё она постаралась записать и снабдить табличками. Светлейшая княгиня хранила мундир царя в стеклянном ларце. Понимаете, она пыталась создать и создала у себя то, что сейчас в России хотят сделать из ставки Ленина — Музей. Или то, что французы сохраняют о Наполеоне. Тогда, в 1880-х это казалось безумием, натуральным помешательством, в этом искали что-то корыстное, недоброе — кому нужны бытовые вещи старого императора? Его кровать, его портфель и фуражка? Это рассматривалось как фетишизм, культ… В зимнем кабинет Александра II после его смерти был расформирован, но княгиня Юрьевская воссоздала его и некоторые другие комнаты царя в своём дворце. Здесь ей никто не мог помешать сохранять память об Александре. Этим делом очень прониклась великая княгиня Ольга Александровна, как-то заметившая мне, что остро чувствует, что матушка очень любила её деда…

Матушка пыталась спасти от разрушения и забвения то, что теперь продают ради денег на зерно. Но от Наполеона остался Мальмезон, от Петра Великого и Екатерины II остались дворцы и реликвии. Много ли теперь в России сохранилось вещей Александра? А мест, где он был счастлив? [4, лл. 4–5]» и княгиня подводит повествование к Биюк-Сараю, о сохранности которого в 1926 году она не могла ничего знать.

Екатерина Александровна тепло пишет и о своём первом браке, в котором она была счастлива: «в 1901 году я стала супругой блистательного офицера, невероятно красивого молодого человека Александра Владимировича, князя Барятинского, наследника одной из старейших фамилий России, происходящей от Рюрика в той же степени, что и Долгорукие[25]. Это был высокий, статный вельможа, адъютант принца Евгения

[25] Князья Барятинские, как и князья Долгорукие и Оболенские, происходили от святого князя Михаила Черниговского (XIII век).

Лейхтенбергского, с голубыми глазами, волосами цвета льна и щеголеватыми усиками, которые ему невероятно шли. Мы познакомились, и вскоре — там же, в русской церкви города Биарриц, — мы и венчались 5 октября 1901 года[26]. На брак князя Барятинского со мной, светлейшей княжной Юрьевской его благословил сам государь[27] — так я стала княгиней Барятинской, а вскоре у нас родились чудные сыновья Андрей и Александр, ставшие отрадой их бабушки[28]. В лице Александра-младшего матушка особенно замечала черты его деда, императора Александра II — она его очень баловала… Наша семья тогда жила счастливо».


La Princesse Yourievsky prie
M. le Prince Obolensky
de lui faire le plaisir de venir déjeuner chez Elle
le 18 Octobre 1901, à midi et demie.
VILLA SOFIA.

Приглашение на обед князю [П. С.] Оболенскому от княгини Е. М. Юрьевской.
Перевод: «Княгиня Юрьевская просит господина князя Оболенского не отказать ей в удовольствии, и прийти к ней на обед 18 октября 1901 года, в половине первого. Вилла София» [г. Биарриц].
Связано со свадьбой Е. А. Юрьевской и А. В. Барятинского, на которой Оболенский был свидетелем.
Из фондового собрания ФГБУК «Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село» [2]

Нельзя не отметить уникальные сведения, сообщаемые Екатериной Александровной о примирении Юрьевских и императорской семьи в лице императрицы Марии Фёдоровны, что состоялось в 1914 году, когда императорская семья была в Крыму (вероятно, всё же, примирение состоялось в ноябре, когда умер старший князь Барятинский в Санкт-Петербурге, а не весной, когда в Ливадии был Николай II, как упоминает княгиня — с государем она должна была видеться отдельно): «мне сообщили, что вдовствующая императрица Мария Фёдоровна

[26] См. ЦГИА СПб. ф.19. оп.126. д.1679. Метрические книги церкви Александра Невского в г. По (Франция).

[27] Действительно в этой истории сыграл главную роль император Николай II. Причём, во многом этому способствовала сама светлейшая княгиня Е. М. Юрьевская. См. Е. М. Юрьевская – В. Б. Фредериксу, 23 июня 1900 // РГИА. Ф. 468. Оп.43 Д.1447. Л.4-4 об.

[28] Несмотря на то, что отношения между А. В. Барятинским и Е. М. Юрьевской скоро испортились, во многом из-за пристрастия князя к азартным играм и великосветским развлечениям, Е. А. Юрьевская-Барятинская искренне любила супруга и Екатерина Михайловна уважала выбор дочери. Она также совершенно искренне полюбила внуков Андрея и Александра, которые в 1908 году оказались на её попечении [10, с. 372–373] и которым светлейшая княгиня обеспечила учёбу в лучших университетах Альбиона. Внуки Барятинские присутствовали и при последних днях княгини Е. М. Юрьевской.

желает видеть меня. Я вошла в её покои, где состоялся у нас долгий и печальный разговор о взаимоотношениях императорской фамилии и моей матушки княгини Юрьевской. При нём присутствовала Надежда Александровна, княгиня Барятинская, моя свекровь и статс-дама государыни, которая, как мне кажется, и способствовала этой встрече. Разговор, судя по всему, давался государыне весьма нелегко. Содержание его я не могу раскрыть, но могу сказать — что было между матушкой и государыней, то было забыто. Все чаще императрица стала посылать матушке — которая очень болела с 1913 года ободряющие телеграммы, а в прессе, как мне сообщала великая княгиня Ольга, напечатали фотографию светлейшей княгини Юрьевской в честь её выздоровления. Там же была заметка о том, что княгиня Барятинская пожалована в достоинство статс-дамы высочайшего двора[29].

Императрица отметила, что помнит, как тогда, у смертного одра Александра II стояло не два поколения наследников, и не светлейшая княгиня, а сын и внук, сломленные трагедией и убитая горем супруга, которая в тот момент, ещё не потеряв сознания, казалось, сгорает изнутри «как поражённая громом берёза», — так сказала государыня и это сравнение врезалось мне в память. И хоть она не могла примириться с браком Александра II на моей матушке, постепенно она смягчилась. Сцена из марта 81-го года не выходила у неё из головы. Горе тогда примирило на время всех. Годы примирили окончательно» [4, л. 9].

В заключение нужно отметить ещё один момент, касающийся денежных вложений княгини Юрьевской в город Ялту (впрочем, неизменно связанных с именем Александра II), о которых становится известно исключительно из приведённых нами «Диалогов». Идёт речь и о благотворительности, ведь и в некрологе княгиня Юрьевская упомянута как «Elle fût trés charitable»: «Сложилось так, что даже после отъезда из России матушка не переставала заботиться об увековечивании памяти об Александре II. Например, она приняла деятельное участие в сборе средств на храм, известный, как «Спас на Крови»[30], передав инкогнито более 20 000

[29] Без сомнения, имеется в виду номер журнала «Столица и усадьба» № 1 за 1913 год, где на с. 17 опубликованы указанные изображения. Портрет Е. М. Юрьевской действительно был опубликован в честь выздоровления светлейшей княгини, а рядом располагалась фотография Н. А. Барятинской 1905 года с пояснительной статьёй, в которой упоминалась и Е. А. Юрьевская-Барятинская. Этот экземпляр журнала хранится в собрании ЧУ «Музей-усадьба Н. А. Барятинской» в Ялте.

[30] Храм возведён по указу императора Александра III в 1883–1907 годах по совместному проекту архитектора Альфреда Парланда и архимандрита Игнатия (Малышева). Выполнен в русском стиле, несколько напоминает московский собор Покрова на Рву. Строительство длилось 24 года (освящён в 1907 году), а потому достоверно

рублей золотом (более 78 млн рублей в современном эквиваленте – *Примеч. наше*), она также отозвалась на призыв властей Ялты[31] об устроении сквера в честь Царя-Освободителя и часовни, уже в 1881 году пожертвовав через господина Шамина[32], комитету по устроению часовни на набережной, во главе со Шрейбером, единоразово 1 000 рублей. Часть средств должна была уйти на лечебницу на 10 мест. Конечно же всё инкогнито — всякий раз, когда я бывала в Ялте, я заходила в эту часовню св. Александра Невского, и никто не знал, что эта женщина, покупающая свечу, дочь русского царя. Много денег матушка посылала в Россию, как простая подписантка, когда новый император Александр III устраивал памятники в честь отца[33]. В 1902 году я присутствовала на освящении огромного собора в Ялте, на который матушка в своё время, через тайного советника Петра Губонина[34], перевела 12 000 — на эти деньги был украшен свод и заложена касса для неимущих[35]. Но маска открылась — тогда государь Николай II, и государыня Александра Фёдоровна сообщили мне, что направили в Ниццу телеграмму[36] и весьма благодарны за наше участие. Я поцеловала государыне руку и не сразу овладела собой — матушкино дело продолжало жить» [4, л. 7].

Многие из этих сведений можно проверить по косвенным источникам. Так, понятно, что имя княгини Юрьевской не раскрывалось, чтобы не вызвать новых обсуждений в свете, где после смерти Александра II стало «модным» злословить его вдову. Княгиня Юрьевская отвечала как-то императору

определить на что именно пошли упомянутые деньги при сооружении столь дорогого проекта не представляется возможным.

[31] Известно, что особого призыва городская Дума не объявляла. Вероятно, кто-то из благожелателей сообщил княгине в частном порядке.

[32] В машинописи слова «господина Шамина» (с припиской NB) и «Петра Губонина» дважды подчёркнуты карандашом, предположительно рукой Мих. П. Чехова. Возможно, Михаил Павлович предполагал дальнейшее исследование в направлении этих личностей, тесно связанных с Ялтой. К сожалению, невозможно подтвердить или опровергнуть сведения о пожертвованиях, сделанных инкогнито.

[33] Память о императоре Александре II, прозванном официальными историографами Освободителем, была увековечена во многих городах Российской империи путём установки монументов. После Октябрьской революции все они были снесены (за исключением двух памятников в Финляндии). В ряде случаев элементы памятника царю (чаще всего только постамент) или даже практически весь памятник (в Одессе) перепосвящались другим лицам. Некоторые из памятников были воссозданы после падения коммунистического режима.

[34] Имя П. И. Губонина (1825–1894) действительно встречается в составе строительного комитета, учреждённого 1 марта 1890 года под председательством известного инженера, учёного и краеведа А. Л. Бертье-Делагарда. Примечательно, что имя П. И. Губонина содержится в обнаруженных нами листках гостевой книги светлейшей княгини Е. М. Юрьевской, что свидетельствует об их общении.

[35] Данные сведения требуют дополнительного исследования, которое помогло бы установить, сохранилось ли в Ялте что-то монументальное, что непосредственно можно было бы связать с именем Е. М. Юрьевской (не считая имения Биюк-Сарай).

[36] Телеграмма неизвестна.

Александру III, не желавшему, чтобы рядом с её именем стояли слова «вдова императора Александра II»: «Императрица ли или не императрица — всё равно, но разве что она жена его, она его вдова»[37] [10, с. 298] и с этим не мог поспорить даже царь.

Однако дело шло своим чередом — о деньгах и лечебнице на 10 мест можно узнать из документов городского головы Врангеля, а также комиссии, занимавшейся устроением часовни и сквера. По-видимому, 1 000 рублей ушла на лечебницу и благоустройство территории, которая в течение десятилетия облеклась в гранит. Именно отсюда в апреле 1919 году вдовствующая императрица Мария Фёдоровна ступила на палубу крейсера «Мальборо», чтобы навсегда покинуть Россию. Она не могла и предположить, что этот последний кусочек её второй родины отчасти был благоустроен и на средства княгини Юрьевской.

Отметим, что гласный думы Шамин, фигурирующий в деле часовни, никак не упоминал фамилию Юрьевских, как и не упоминал Губонин, чьё несомненное участие в заложении собора в Ялте хорошо известно.

Конечно, это объясняется существовавшими договорённостями с княгиней, но нам удалось найти упоминание Петра Ионовича Губонина на одной из страниц гостевой книги светлейшей княгини. На другом листе можно было заметить автограф Феликса Юсупова-старшего, графа Сумарокова-Эльстона, генерал-адъютанта, который, к слову, выступал свидетелем на упомянутой свадьбе княгини Екатерины Александровны с князем Сергеем Оболенским в Ялте в 1916 году.

Так, подводя итог, отметим, что интервью «Диалоги с княгиней Екатериной Александровной Юрьевской-Барятинской», несомненно, следует читать в расширенной публикации, которая, верим, кроме дополнительных сведений о жизни света, ранее неизвестных столь подробно, позволит по-новому осветить историю взаимоотношений Е. М. Юрьевской и Александра II, судьбе которых до настоящего момента посвящено много не всегда объективных воспоминаний и публикаций. Это вплоть до настоящего времени создаёт неверное понимание этой истории, а фундаментальный вопрос сохранения наследия Александра II светлейшей княгиней Е. М. Юрьевской остаётся в тени мелочных обид и инсинуаций, умышленно закреплённых в

[37] Также ппеpекликается с письмом Е. М. Юрьевской императору Александру III от 26 июня 1882: «Милый Саша. Приказание Ваше, данное мне через Министерство Двора, не может быть мною исполнено, так как я не вправе отказаться от прав, данных мне Вашим Отцом. Раз что Он на мне женился и называл меня как перед Вами, так и перед всеми своей женой, то после смерти Его я Его вдова, и этого переменить никто не может» [9, с. 31].

мемуарной литературе лицами, не сумевшими приблизиться к царю, хотя пытавшихся это сделать и через Екатерину Михайловну [10, с. 287; 5]), или теми, кто писал мемуары с расчётом на интерес широкой публики.

Коленкоровая папка с тиснением золотом «Планы ея светлости княгини Екатерины Михайловны Юрьевской» и листы из гостевой книги светлейшей княгини Е. М. Юрьевской (Долгорукой), морганатической супруги императора Александра II. 1880–1911. Листы вырваны из гостевой книги; сложены пополам. Против даты 28 марта записано «Петръ Ионовъ Губонинъ».
Аукционный дом «Литфонд», открытые источники.

Также «Диалоги» в переводе Мих. П. Чехова позволяют восполнить недостающие места в историко-бытовой канве Ялты 1870–1910-х годов, добавив несколько существенных штрихов к истории дворянских гнёзд и усадеб «русской Ниццы» и показать, что перед лицом неумолимого времени, нет ничего сильнее благодетели, а любовь сохраняет всё — возможно, именно этот элемент памяти и самоотверженной борьбы княгини за неё и подвигнул Михаила Павловича Чехова в последний год жизни взяться за перевод этого уникального материала, а значит, сохранить его для потомков.

Источники и литература

1. [Юрьевская Е. А.] Фотокопия ч/б. Княгиня Екатерина Александровна Барятинская, последняя владелица Марьино // Фонд Областного бюджетного учреждения культуры «Курский областной краеведческий музей» КОКМ 63555.

2. [Юрьевская Е. М.] Приглашение на обед 18 октября 1901 г. князю Оболенскому от княгини Юрьевской // Фонд ФГБУК «Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник „Царское Село“». ЦС КП-37708; ЕД-1035-XII.

3. «Амур и Психея». Начало XIX века. Толстой Федор Петрович (?) (1783—1873) Бумага, тушь, перо, 19×14,4 см. [Из альбома княгини Долгоруковой и собрания Михаила Чехова] // Литфонд. Аукционный дом URL: https://www.litfund.ru/mobile/news/8477/ (дата обращения: 15.03.2023).

4. Богемский, М. [Чехов Мих. П.] Машинопись авторизованная (документ мемориальный) / Пер. М. Богемского (Чехова) из архива С. М. Чехова, с его авторизацией // Фонд ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник». КП 9196. 18 л.

5. Левандовский, А. Н., Панкрашин, С. А. Материалы Н. И. Маркова из архива княгини Юрьевской. Предисловие Н. И. Маркова «К Читателям» // Историческое обозрение. 2022. № 23. С. 125–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-n-i-markova-iz-arhiva-knyagini-yurievskoy-predislovie-n-i-markova-k-chitatelyam (дата обращения: 16.03.2023).

6. Метрическая книга за 1916 год // Фонд МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». КП 44444

7. Негатив на стекле. Ялта. Заречье. Парк Месаксуди // Фонд МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». КП 16724.

8. Письмо С. М. Чехова от 21 февраля 1964 г., адресованное М. П. Сокольникову // Аукционный дом Империя. URL: http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=24993 (дата обращения: 27.03.2023).

9. Раул, В. М. Пошатнувшийся трон. Правда о покушениях на Александра III. М. : Алгоритм, 2018. 224 с.

10. Сафронова, Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 404 с.

11. Фото. Ялта. 80-е гг. XIX в. Вход в парк // Фонд МБУК «Ялтинский историко-литературный музей» — КП 1347

12. Чехов, М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления / Ред., вступ. ст. и коммент. М. П. Сокольникова ; Суперобложка, переплет, фронтисписы и заставки – гравюры на дереве Ивана Павлова. М.; Л.: Academia, 1933. 308 с.

13. Yourievsky Cathérine / My book: some pages from my life. 1924.

~

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

УДК 364-787.2-057.36(470.22)"1944/1948"

Вавулинская Людмила Ивановна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук;
Российская Федерация, Республика Карелия, Петрозаводск,
e-mail: ludvav@mail.ru

ДЕМОБИЛИЗОВАННЫЕ ВОИНЫ И СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КАРЕЛИИ: ПОЛОЖЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА (1944–1948 гг.)[1]

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия рассматривается организация социальной помощи семьям военнослужащих и демобилизованным воинам в первые послевоенные годы. Показаны формы работы местных органов власти, органов социального обеспечения по материально-бытовому и трудовому устройству фронтовиков и членов их семей, участие в этом общественных организаций, трудовых коллективов. Отмечены трудности в социальном обеспечении данных категорий населения. Подчёркивается, что, несмотря на послевоенные трудности, в Карелии было немало сделано по материально-бытовому обеспечению и трудоустройству демобилизованных воинов и семей военнослужащих, закреплению этих кадров в республике.

Ключевые слова: *демобилизованные воины, семьи военнослужащих, социальная помощь, трудоустройство.*

Lyudmila I. Vavulinskaya
PhD in Historical sciences,
Senior Researcher Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences;
Russian Federation, Karelia, Petrozavodsk

DEMOBILIZED SOLDIERS AND MILITARY FAMILIES IN KARELIA: THE SITUATION AND STATE SUPPORT (1944–1948)

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Abstract. *The article on the basis of the documents of the National Archive of the Republic of Karelia, which were first introduced into scientific circulation, considers the organization of social assistance to families of military personnel and demobilized soldiers in the first post-war years. The forms of work of local authorities, social security bodies on the material, living and labor arrangements of front-line soldiers and their families, the participation of public organizations and labor collectives in this matter are shown. Difficulties in social security for these categories of the population are noted. It is emphasized that, despite the post-war difficulties, a lot was done in Karelia to provide logistics and employment of demobilized soldiers and families of military personnel, to consolidate these personnel in the republic.*

Key words: *demobilized soldiers, military families, social assistance, employment.*

Для цитирования:

Вавулинская, Л. И. Демобилизованные воины и семьи военнослужащих в Карелии: положение и государственная поддержка (1944–1948 гг.) // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 30–39.

Одним из основных направлений социальной политики советского государства в первые послевоенные годы являлось оказание помощи отдельным категориям населения — инвалидам войны, семьям военнослужащих, демобилизованным воинам, детям-сиротам. Литература по проблемам социального обеспечения этих наименее защищённых групп населения немногочисленна и освещает в основном региональные проблемы [1; 2; 7; 8; 12; 14; 15]. В статье на основе документальных материалов, выявленных в Национальном архиве Республики Карелия, освещены проблемы бытового и трудового устройства демобилизованных из Красной Армии воинов, а также семей военнослужащих.

На 1 января 1944 года в Карело-Финской ССР (Карело-Финская ССР (КФССР) существовала с 31 марта 1940 года до 16 июля 1956 года, когда была преобразована вновь в Карельскую АССР), работало 8 районных и 1 городской отдел по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. В связи с освобождением территории от фашистской оккупации (окончательное освобождение произошло 30 сентября 1944 года) дополнительно было организовано 18 районных и 2 городских отдела. На 1 января 1945 года в республике действовало 26 районных и 3 городских отделов гособеспечения. В Карелии насчитывалось 32 842 семьи военнослужащих, из них на учёте в

органах соцобеспечения состояло 13 483 семьи, в том числе получающих пособия — 9 744, пенсии — 3 739 семей [9, д. 1399, л. 1–3].

Семьям военнослужащих были предоставлены льготы по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов, различные налоговые льготы. В 1944 году льготами по поставкам мяса, молока, картофеля и овощей воспользовались 8 184 семьи, льготами по сельскохозяйственному налогу — 8 232 семьи, по военному налогу — 9 131 семья, по налогу со строений 487, налогу с холостяков и бездетных — 2 557 семей. Общая сумма налоговых льгот составила 2 871 099 руб. [9, д. 1399, л. 7]. Однако списки членов семей военнослужащих и партизан нередко представлялись органами наркомата финансов на обсуждение исполкомов райсоветов несвоевременно. В результате вопрос об освобождении от уплаты налогов не решался, например, по одному только Заонежскому району сельхозналогом было незаконно обложено 602 человека на сумму 62 129 руб., военным налогом — 543 хозяйства, налогом с холостяков и бездетных — 19 хозяйств [9, д. 1399, л. 7]. Подобные нарушения имели место и в других районах республики.

Зачастую с нарушением сроков назначались пенсии и пособия, не принимались меры по проверке правильности взимания квартплаты и платы за содержание детей военнослужащих в детских учреждениях, не решались в должной мере вопросы обеспечения и ремонта жилой площади, приобретения продуктов питания, одежды и обуви для остронуждающихся семей. Лишь менее одной трети детей военнослужащих были устроены в детские учреждения.

Большую помощь семьям фронтовиков оказывали советские партийные, профсоюзные, комсомольские организации. В районах, на предприятиях, в колхозах регулярно проводились воскресники, декады помощи семьям военнослужащих, создавались денежные и продовольственные фонды, был организован сбор ягод, грибов, в ряде колхозов проводились сверхплановые посевы в фонд помощи семьям военнослужащих. К пошиву и ремонту одежды для этих семей было привлечено 396 сапожников и 624 портных, только за 1944 год сшито и отремонтировано 24 843 пар сапог и 20 215 комплектов одежды [9, д. 1399, л. 6 об.] Семьям военнослужащих выделялись земли для индивидуальных и коллективных огородов, осуществлялся ремонт квартир.

В ответ на призыв членов первичной организации Осоавиахима Карело-Финской конторы Государственного банка СССР об оказании помощи детям фронтовиков сотрудники Кондопожского леспромхоза взяли шефство над Кяппесельгским детским домом [13]. ЦК ЛКСМ республики на средства,

собранные комсомольцами, содержал детский дом на 115 детей-сирот, а для отличников учёбы установил 400 комсомольских стипендий в размере 100 руб. в месяц каждая, подготовил летние пионерские лагеря на 13 тыс. детей, выдал детям фронтовиков 1 200 сухих продовольственных пайков [9, 1540, д. 1540, л. 22].

Работницы Кустпромшвея (кустарно-промышленного швейного предприятия) в нерабочее время изготовили для детей фронтовиков 200 комплектов одежды и белья. В этой же артели 13 семьям выдано 5 775 руб. денежного пособия. В конторе связи для семей военнослужащих заготовили 70 кубометров дров, в совхозе № 1 — 200 кубометров дров, в Управлении Кировской железной дороги — 140 кубометров дров [9, д. 1169, л. 48]. Семьи фронтовиков, инвалиды Великой Отечественной войны и демобилизованные воины Ругозерского района получили 28 голов крупного рогатого скота [3].

С началом массовой демобилизации из действующей армии в 1945 году перед органами власти республики встали задачи создать надлежащие материально-бытовые условия для возвращающихся в республику воинов, обеспечить их трудоустройство и закрепить эти кадры в республике. На основании Закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии от 23 июня 1945 года были уволены первые 13 старших возрастов. В том же году демобилизация коснулась 10 последующих возрастов рядового и сержантского состава, а также военнослужащих [4, с. 101]. В 1948 году процесс демобилизации в основном завершился.

Совет Министров КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР 4 июля 1945 года издал постановление «О мероприятиях по организации встречи, материально-бытового обеспечения и трудового устройства бойцов и офицеров, демобилизованных из рядов действующей Красной Армии и Военно-Морского Флота», в котором на партийные, общественные и советские органы была возложена обязанность организовать должным образом встречу демобилизованных, обеспечить их питанием, медпомощью и транспортом до места назначения, культурным обслуживанием, жилой площадью, обеспечить наилучшее трудовое устройство с учётом работы не ниже выполняемой ими до ухода в армию [5, л. 3].

Однако, как отмечалось в постановлении бюро ЦК КП(б) КФССР от 13 сентября 1945 года «Об устройстве и обеспечении демобилизованных из действующей армии по Карело-Финской ССР», горкомы и райкомы партии, районные исполкомы советов, руководители хозяйственных и профсоюзных организаций допускали случаи, когда демобилизованные не обеспечивались жильём и топливом, им не возвращалась принадлежавшая ранее жилая площадь, не принимались должные меры по повышению квалификации

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

прибывших в республику демобилизованных, по созданию производственных и жилищно-бытовых условий. В результате этого из 2 241 человека, прибывшего по демобилизации в республику, работали всего 997 человек [9, д. 1440, л. 179–182].

Постановлением Совета Министров КФССР от 2 октября 1945 года «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» был расширен круг льгот для демобилизованных. Исполкомам районных советов было предложено снижать в 1945/1946 гг. до 50%, а в отдельных случаях освобождать полностью от попенной[2] платы демобилизованных, производящих для себя заготовку топлива. Все застройщики обязывались передавать исполкомам 10% новой и восстановленной жилплощади для предоставления её демобилизованным. Министерству торговли КФССР было предложено выделить 17 тыс. специальных разовых детских пайков для нуждающихся детей демобилизованных. Для этой цели Советом Министров КФССР было отпущено 17 т муки, 8,5 т крупы, 12 т сахара. Кроме того, Министерство торговли выдало значительное количество пайков особо нуждающимся семьям демобилизованных по персональным спискам, утверждённым исполкомами, а также выделило для продажи демобилизованным по ордерам: на 200 тыс. руб. шерстяных тканей, на 100 тыс. руб. швейных изделий, на 35 тыс. руб. кожаной обуви, 4,5 тыс. пар валяной обуви и т. д. [10, д. 657, л. 202–203].

По состоянию на 12 января 1946 года в республику прибыл 9 301 демобилизованный воин, из них трудоустроено 7 418 человек, в том числе в промышленности — 3 368, в сельском хозяйстве — 1 582, в колхозах — 1 749, на предприятиях и в учреждениях городского хозяйства — 719. Правительство республики выдало ссуды на восстановление и строительство жилых домов 438 фронтовикам в сумме 1 695 100 руб., на хозяйственное обзаведение — 16 фронтовикам в сумме 19 600 руб., оказало единовременную денежную помощь в сумме 21 825 руб. 887 демобилизованных было обеспечено жилой площадью. Отремонтировано 442 дома и квартиры, обеспечены топливом 2 237 человек, скотом — 150 человек [6, л. 6–7].

Улучшению социального обслуживания семей военнослужащих и демобилизованных воинов способствовала передача в сентябре 1946 года Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей

[2] Плата за древесину, взимаемая с лесозаготовителей при всех видах отпуска леса в рубку.

военнослужащих при Совете Министров КФССР Министерству социального обеспечения КФССР [10, д. 76, л. 100–102]. Значительно возросло число жителей республики, обеспеченных пенсией или пособием. В октябре 1947 года социальную помощь получали 32 102 человека, в том числе 15 921 член семей военнослужащих. За 9 месяцев 1947 года районными и городскими отделами социального обеспечения было выплачено в виде пенсий и пособий более 39 млн. руб. государственных средств. Если в 1926/27 гг. пенсия семьи погибшего воина в среднем за год составляла 135 руб., то в 1947 году – 3 396 руб. [9, д. 2833, л. 94].

Улучшились формы материальной помощи населению. Если в первые послевоенные годы практиковалась выдача единовременных пособий мелкими суммами от 25 до 100 руб., то в 1948 году Министерство социального обеспечения проводило выдачу единовременных пособий в основном одеждой, обувью, бельем и др. Например: Е. П. Евдокимова, жена погибшего воина, получила по 2 пары детских валенок и ботинок, пару детских туфель, 2 детских тужурки, 2 детских пальто и фуфайку на общую сумму 1 642 руб. [9, д. 3410, л. 11].

Из местных ресурсов за июль 1945 – март 1947 гг. демобилизованным было выдано 275 голов крупного и мелкого скота, 8 135 кг зерна, 1 080 кг муки, 820 кг жиров, 2 220 кг рыбы, 57 230 кг картофеля и овощей, 1 110 кг крупы, 436 кг сахара и кондитерских изделий, 53 933 м мануфактуры, 9 731 готовых изделий, 54 390 руб. денежной помощи, а также значительная сумма ссуд на строительство и хозяйственное обзаведение [11, д. 99, л. 11].

Министерство социального обеспечения организовало обследование материально-бытовых условий семей инвалидов войны и семей погибших воинов, которым было охвачено 10 085 семей. В результате обследования были выявлены нуждающиеся в материальной помощи, предоставлении и ремонте квартир, приобретении скота и топлива, в устройстве в дома инвалидов, курортно-санаторном и восстановительном лечении, обучении и переобучении.

В годовом отчёте Министерства за 1948 год отмечалось: «За 1948 г. выдано единовременных пособий в денежном выражении на общую сумму 713 тыс. руб. Кроме того, оказана помощь натурой:

1. выделено одежды и обуви 323 детям школьникам, после чего они стали посещать школу;
2. подвезено топлива 7 701 куб. м;
3. отремонтировано квартир 966 семьям;
4. предоставлена жилплощадь 236 семьям;
5. выдано ссуд на покупку скота 81 500 руб.;

6. выдано ссуд на жилищное строительство 190 350 руб.;
7. выделено кормов для скота 338 семьям в количестве 4024 кг;
8. выдано картофеля 21 778 кг» [9, д. 3410, л. 13].

Большую работу по оказанию помощи демобилизованным проводили местные советы. Так, исполком Кондопожского районного совета отремонтировал 46 домов демобилизованных, вновь построил для них 30 домов, выдал 495 тыс. руб. ссуд 50 демобилизованным воинам на строительство домов и 15,5 тыс. руб. 9 фронтовикам на приобретение скота. Была оказана продовольственная помощь и выдано 620 кг зерна, 2600 кг картофеля, 50 банок консервов, 340 кг рыбы. Демобилизованным выделено 100 кбм дров, отведен лесосечный фонд на 267 кбм строительного леса для строительства и восстановления жилых домов и хозяйственного обзаведения [10, д. 657, л. 211].

Значительную материальную помощь фронтовики получали от хозяйственных организаций и предприятий, на которых трудились. Например, Сегежский бумкомбинат отпустил 6 500 руб. на восстановление жилых домов и квартир демобилизованных, им было выдано 50 пайков продовольственных товаров из резерва подсобного хозяйства, 100 одеял, 25 пар обуви, 92 м мануфактуры, 28 пар белья, несколько костюмов и т. д. 30 демобилизованных воинов с помощью руководства целлюлозного комбината в Харлу приобрели 19 коров и 11 овец и коз. Комбинат выделил демобилизованным 18 пар обуви, 11 фуфаек, 15 пар брюк, 10 простыней, 5 одеял, 38 м мануфактуры, 160 м сукна, 7 пар белья, 2 костюма, 3 пальто, 50 кг семенного картофеля. Кроме того, комбинатом бесплатно было отпущено 30 пар обуви для взрослых и 45 пар обуви для детей, 1 110 м мануфактуры и других материалов на общую сумму 5 700 руб., выделено для дополнительного питания 250 кг сухих фруктов и концентратов; за счёт соцстраха выдана единовременная помощь в размере 1 500 руб. 25 детей демобилизованных были направлены в пионерские лагеря (стоимость путевок составляла 6 300 руб.) и т. д. [10, д. 657, л. 212–213].

Одной из самых важных задач местных органов власти являлось трудоустройство демобилизованных и семей военнослужащих. В республике, которая испытывала острый недостаток рабочей силы, каждый вернувшийся в республику был на особом счёту. Из состоявших на 1 января 1945 года на учёте в органах социального обеспечения республики семей военнослужащих работали на лесозаготовках — 3 114 человек, в колхозах и совхозах — 11 841, на железнодорожном транспорте и в промышленных предприятиях — 12 991 человек. Не участвовали в трудовой деятельности 1 082 человека, в том

числе по болезни — 997 человек, из-за отсутствия детских учреждений — 85 человек [9, д. 1399, л. 6].

Многие члены семей военнослужащих, получив новые специальности, были выдвинуты на руководящую работу: колхозница Годарева, например, председателя колхоза «Искра» Сегозерского района, жена военнослужащего Лукина — бригадира комсомольско-молодёжной лесозаготовительной бригады, которая выполняла норму выработки на 200%. Работница Ильинского лесозавода Сергушина освоила специальность машиниста локомобиля. Получили специальности счетоводов, землемеров, ветеринарных работников 67 человек. На курсах учителей весной 1945 года обучались 17 человек [9, д. 1540, л. 21]. Однако часто руководители предприятий и организаций не учитывали запросы и нужды семей военнослужащих в приобретении или повышении квалификации, не была организована работа на дому для тех, кто не мог трудиться на производстве.

Абсолютное большинство демобилизованных воинов самостоятельно устраивались на работу по своему выбору. В основном они вернулись на предприятия и в учреждения, где работали до мобилизации, заняв прежнюю должность или должность в соответствии с новой специальностью и квалификацией, приобретённой ими в Советской Армии. Многие демобилизованные были выдвинуты на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Так, вернувшийся в Петрозаводск демобилизованный Дьяконов стал директором Гортопа, Лукин — секретарём партбюро Онежского машиностроительного завода, Июдин – секретарем партбюро Петрозаводского авторемонтного завода. Однако имелись отдельные случаи, когда демобилизованных не принимали на работу по специальности или предлагали низкую, не соответствующую их квалификации, заработную плату.

По состоянию учета на конец марта 1947 года в республике было 13 882 демобилизованных рядовых и сержантов, из них трудоустроено в промышленности и городских учреждениях — 6 442 человека, в сельских предприятиях и учреждениях — 4 035 человек, работали в колхозах — 2 605 человек. Не трудоустроены были 302 человека, в том числе 253 в основном возвратились в республику по пятой очереди демобилизации и еще отдыхали, а 49 человек занимались индивидуальным строительством [10, д. 657, л. 207].

Демобилизованные офицеры в большинстве случаев заняли более ответственные и оплачиваемые должности по сравнению с довоенными. Так, в Олонецком районе из 75 демобилизованных офицеров устроились на более высокую должность 52 человека, в Прионежском районе — из 26 – 14 человек,

в Лоухском — из 30 – 22, Калевальском — из 25 – 12, Шелтозерском — из 25 – 17. По состоянию учета на конец марта 1947 г. в республике было 1969 демобилизованных офицеров, из них трудоустроено 1889, не трудоустроено 80, в том числе 39 отдыхали, 37 женщин находились на иждивении мужей, 4 человека являлись инвалидами Великой Отечественной войны [10, д. 657, л. 208, 210].

Многие демобилизованные изъявили желание остаться в Карелии. В то же время часть фронтовиков в силу различных причин выехала из республики. Возвратились в республику по демобилизации, по разным учетным данным, от — 15 851 до 17 160 демобилизованных воинов, из них до середины апреля 1947 года выбыли из республики от 1807 до 1889 человек (10–12%) [10, д. 657, л. 207–208].

Таким образом, в силу тяжёлого положения республики после разрушительной войны не все удалось сделать по жилищному устройству, снабжению продовольственными и промышленными товарами демобилизованных и семей военнослужащих, в результате часть бывших воинов покинула республику. Тем не менее правительство республики, местные органы власти приложили немало усилий для материально-бытового обеспечения и трудоустройства бывших фронтовиков, семей военнослужащих, закрепления этих кадров в республике.

Источники и литература

1. Андрющенко, О. Е., Кобзева, А. М. Социальная политика СССР в отношении военнослужащих и их семей в послевоенные годы (1945–1953) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10-1. С. 13–16.

2. Гиниатуллина, Л. М. Адаптация демобилизованных воинов и проблема их трудоустройства в БАССР в первые послевоенные годы // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9 (77). С. 113–117.

3. Исаков, П. Скот для семей фронтовиков // Коммунист. 1945. 12 октября. С. 1.

4. История советского рабочего класса : 6 т. Т. 4 : Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. М.: Наука, 1987. 520 с.

5. КГАНИ[3]. Ф. 8 (ЦК Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 15, д. 583.

[3] Карельский государственный архив новейшей истории (в настоящее время в составе Национального архива Республики Карелия).

6. КГАНИ. Ф. 8 (ЦК Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 17, д. 182.

7. Киденко, О. А. Осуществление государственной политики по созданию условий для благоприятной адаптации демобилизованных воинов в первые послевоенные годы на территории Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Уфа). 2011. № 3. С. 133–137.

8. Людоровская, Т. Ю. Оказание социальной поддержки демобилизованным и инвалидам в Донбассе в первое послевоенное десятилетие // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2023. № 2 (85). С. 120–125.

9. НА РК[4]. Ф. П-8 (ЦК Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 1, дд. 1169, 1399, 1440, 1540, 2833, 3410.

10. НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Министров Карело-Финской ССР). Оп. 6, д. 76, 657.

11. НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Министров Карело-Финской ССР). Оп. 8, д. 99.

12. Пашуто, А. В. Становление и проблемы развития пенсионного обеспечения и других форм материальной помощи участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших воинов в 1943–1956 гг. // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 69–72.

13. Стрелков, А. Леспромхозовцы в помощь детям фронтовиков // Новая Кондопога. 1945. 12 апреля. С. 1.

14. Ульянова, М. В. Опыт адаптации участников Второй мировой войны к условиям мирной жизни на Дальнем Востоке СССР (1945–1953 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 22 с.

15. Хаяров, Д. Г. Фронтовики в Западной Сибири: адаптация к мирной жизни:1945–1950 гг.: автореф. дис…канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 27 с.

~

[4] Национальный архив Республики Карелия.

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Литературоведческий аспект

УДК 82-94

Боева Галина Николаевна
Доктор филологических наук,
профессор кафедра рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна;
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: g_boeva@rambler.ru

ГОРОДА КАК ВЕХИ ТВОРЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ Е. Л. ШВАРЦА

На материале мемуарно-автобиографической прозы Е. Л. Шварца прослеживается эволюция его личности в процессе перемещений из родного Майкопа в Москву и Петроград. Последний становится городом, в котором Шварцу удалось достигнуть самореализации и найти своё место в литературе. Предпринятый анализ шварцевской дневниковой прозы продолжает новое научное направление исследований в области геопоэтики, обосновывающих зависимость самоопределения художника от пространственных координат. Намечаются дальнейшие пути исследования темы.

Ключевые слова: *Е. Л. Шварц, дневник, город, Майкоп, Москва, Петербург, пространство, топос, самоопределение, успех.*

Galina N. Boeva
Doctor of Philological Sciences,
Professor Department of Advertisement and Public Relations,
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design,
Russian Federation, St. Petersburg

THE CITIES AS MILESTONES OF E. L. SCHWARTZ'S CREATIVE IDENTITY

Abstract. *The material of the memoir-autobiographical prose of E. L. Schwartz traces the evolution of his personality in the process of moving from his native Maykop to Moscow and Petrograd. The latter becomes a city in which Schwartz managed to achieve self-realization and find his place in literature. The undertaken analysis of Schwartz diary prose continues a new scientific direction of research in the field of geopoetics, justifying the dependence of the artist's self-determination on spatial coordinates. Further ways of exploring the topic are planned.*

Key words: *E. L. Schwartz, diary, city, Maykop, Moscow, Petersburg, space, topos, self-determination, success.*

Для цитирования:

Боева, Г. Н. Города как вехи творческого самосознания Е. Л. Шварца // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 40–49.

Сюжет шварцевской дневниковой прозы — рефлексия о своей писательской судьбе и самоисследование в процессе письма, проявляющего личность автора. Её развитие в большой степени определяется геокультурным фактором, который нарочито акцентируется на страницах дневника, запечатлевающего пространственные перемещения автора и связанные с ними духовные и творческие метаморфозы. Разделяем мнение Е. Л. Румановской [5] о жанровой специфике шварцевского дневника и будем рассматривать его как дневниковую прозу автобиографически-мемуарной природы, с нашей точки зрения, близкой «мовизму» В. П. Катаева (и предвосхищающей его): «Не повесть, не роман, не очерк, не путевые заметки, а просто соло на фаготе с оркестром — так и передайте» [2]. Напомним ещё об одной значимой особенности этих записей — их ретроспективном характере: далёкие события детства и юности реконструируются на фоне 40-х и 50-х гг., и двойная, остранённая оптика восприятия придаёт всему изображенному двуплановость, создавая эффект психологической неоднозначности, драматизма и нелинейного развития характера автобиографического героя.

Как справедливо заключает Н. Е. Разумова, исследовательница геокультурного измерения прозы Чехова, «изменение пространственной картины мира <…> может служить вполне репрезентативным эквивалентом творческого развития писателя и основой для построения его “научной биографии”, передавая её самые основные, сущностные характеристики» [3, с. 48]. Дневники Шварца дают возможность проследить этапы его творческого самосознания в связи с пространственными перемещениями.

Очевидно, что Шварц отнюдь не ради протокольной точности фиксирует в дневнике своё пребывание в том или ном месте: каждое из них

осмысливается им как ступень личностного роста и сопряжённых с ним изменений. О Майкопе он говорит так: «родина моей души, тот самый город, где я вырос таким, как есть» [6, с. 45]. И далее: «Все, что было потом, развивало или приглушало то, что во мне зародилось в эти майкопские годы» [Там же]. Поясним: это «всё» включало в себя и приобщение к книге (круг детского чтения выписывается крайне подробно), и зарождение сказочного мира (из «кукольного тетра» на столе — одиноких игр с коробочками из-под табака и спичек), и драму «эдиповых» взаимоотношений с матерью, и увлечение театром (родители, актёры-любители, играли на сцене Пушкинского народного дома), и первые стихи, и первая любовь. Именно Майкоп, южный городок на Кубани, своего рода культурный перекрёсток, сродни родному городу Чехова Таганрогу, определил дальнейшие повороты судьбы — в частности, тяготенье провинциального юноши к Москве (в каком-то смысле тоже чеховское), которая ассоциировалась у него с успехом.

Впервые Шварц оказался в Москве ещё в детстве, лет семи, проездом по пути в Жиздру, где жили его русские дедушка и бабушка. Уже тогда маленький Женя ждал от неё многого: «И я, наконец, увидел город, о котором столько слышал чуть ли не с первых дней своей сознательной жизни» [6, с. 62]. Кстати, именно в этой своей поездке Шварц постфактум подметит у себя зависимость от места пребывания, записав в дневнике: «В Майкопе я был майкопским мальчиком. Старался букву “г” произносить как немецкое “h” и стеснялся, что у меня светлые глаза, тогда как у всех вокруг — карие. В Жиздре же я был рязанским, как все Шелковы, и обижался, когда Зина дразнила меня черкесом. Я не приспособлялся к новой обстановке, не подражал, не поддавался влияния, а просто менялся весь, как меняется речка утром, днем, вечером» [6, с. 63]. Эта протеичность ещё не раз будет подчёркнута Шварцем: «Я становился все более одесситом, как недавно майкопцем — в Майкопе и рязанским мальчиком — в Рязани» [6, с. 71]. Интересно, что появившийся у него одесский выговор вскоре вызовет у него ощущение нарушения литературной нормы и внушит страх показаться «простым», потерять «благородство».

Это «благородство» с детских лет ассоциируется у него с Москвой. Именно она, а не столичный Петербург — более далёкий от южного Майкопа и географически, и по семейным связям — на этом этапе выступает для юного Шварца эталоном культуры, «социальным лифтом». Москва им, провинциалом, воспринимается как «место силы»: там все знаменитости, там искусство, там Чехов! Десятилетним мальчиком Евгений узнаёт о смерти Чехова и в позднейших записях поясняет, что для него это имя, «как имя Художественного театра, связывалось с Москвой, с чем-то несомненно

прекрасным и всеми людьми признанным. Это была та самая слава, о которой думал с грустью дедушка крапивный (рязанский дед, отец матери — *Примеч. Г. Б.*), глядя на своих детей, не добившихся ничего. Великолепная, таинственная слава!» [6, с. 71].

Здесь надо пояснить ситуацию, сложившуюся в майкопский период в семье Шварцев — «недружной и непонятной», по собственному определению писателя. Сложность взаимоотношений между родителями в большой степени была определена своеобразием их культурных установок и ценностных ориентиров: отец, уроженец Екатеринодара, в соответствии с традиционным еврейским воспитанием, был нацелен на успех и болезненно переживал даже малейшие признаки социального поражения. В дневнике много внимания уделяется «соперничеству» отца с другими «талантливыми Шварцами» — братьями Самсоном, Исаакомом и Александром, ревнивой дружбе-соперничеству самого Евгения с Тоней, одаренным двоюродным братом, его ровесником, а в будущем популярным чтецом-декламатором, артистом эстрады, мастером художественного слова (Антон Исаакович Шварц (1896–1954)).

Наделённый «шварцевским честолюбием» и страшась, что из него «ничего не выйдет», будущий писатель связывал свои мечты с Москвой ещё и по другой причине: там жили и работали многие евреи-родственники, ставшие успешными адвокатами, врачами, банкирами. С ними Евгению придётся познакомиться в его первый, особенно неудачный, даже травматичный, «московский» период, о котором речь пойдёт дальше.

К успеху Шварца настойчиво подталкивает и мать — хотя несколько иным образом. Русская, уроженка Рязани (дочь цирюльника), женщина образованная и амбициозная (получила образование акушерки, потом закончила курсы стенографии, играла в самодеятельном театре), она тоже внушает сыну, что «самое большое счастье для матери — когда ее сын хорошо учится». Талантливая, но неуверенная в себе, она желает успешности сыну, неосознанно стремясь к социальному реваншу. Помимо этого, взаимоотношения матери и сына осложняются драмой его отверженности после рождения в семье второго ребёнка, брата Валентина: шестилетний Евгений травмирован тем, что мать больше не принадлежит ему всецело, и всеми способами стремится заново «завоевать ее расположение» — поведенческая стратегия «всем нравиться», по его собственному признанию, останется у него на всю жизнь и определит его взаимоотношения с людьми. Интересно, что на выпускном экзамене по русскому языку в майкопском реальном училище Шварц пишет сочинение на тему «Влияние воспитания на образование характера по роману Тургенева “Дворянское гнездо”»,

доказывая, что это не единственный фактор, формирующий характер. За сочинение было поставлено «хорошо» — интересно было бы узнать, какие ещё факторы влияния на характер описывал там юный сочинитель, опираясь на собственный опыт?

Заметим, что оба родителя тяготеют к творчеству: отец-врач не только увлечён театром, но и играет на скрипке. Да и вообще творческие люди воспринимаются в семье «с придыханием»: когда Шварц приедет в Донбасс с М. Слонимским (сыном редактора «Вестника Европы», племянником профессора Венгерова) и познакомит его с отцом, тот будет доволен приближением сына «к таинственному, высокому миру — к писателям, к искусству» [6, с. 182].

В контексте этой непростой семейной ситуации неудивительно, что Москва у Шварца ассоциируется с успехом, стремление к которому приобретает экзистенциальный характер («Первая моя мысль была не о деле, а об успехе» [6, с. 167]). Причём «жажда успеха» и «уверенность в будущей славе» совмещаются у него со страхом поражения, а «недоверие к себе» — с «неведомо на чем основанной уверенностью в собственной гениальности» [6, с. 166–167]. Несомненно, такая эмоциональная противоречивость в большой степени была следствием детской травмы («ужас, который я пережил, когда мама отошла от меня, перерос в честолюбие. Я хотел славы, чтобы меня любили» [6, с. 155]), подтверждением чего стали мучительные отношения с первой любовью Шварца — Милочкой Крачковской. Успех был нужен ещё и для покорения ее, девушки из обеспеченной майкопской семьи с высокими материальными претензиями к будущему избраннику.

Интересно, что и в оценке современников на страницах своего дневника — в так называемой «Телефонной книжке» — Шварц непременно фиксирует степень их талантливости, и часто именно она воспринимается им как искупление неприятных личных свойств этих незаурядных людей (в случае В. В. Лебедева, Г. М. Козинцева, О. Э. Мандельштама и др.).

Итак, Москва должна была стать ступенью к успеху, а вместо этого встреча с нею обернулась разочарованием и поражением: оставленный там для посещения университета Шанявского и занятий латынью, молодой человек показал свою полную неспособность к самостоятельной жизни. Москва оказалась чужим, враждебным городом, не соответствующим его ожиданиям. Пошатнулось даже представление о Москве как о культурном центре: после родного уютного Майкопа она выглядела непрезентабельно: «Отвратительная суета, невысокие грязные дома, множество нищих, жалкие извозчики одноконные, с драными пролетками» [6, с. 209]. «Так вот она, столица! Вот предел мечтаний майкопской интеллигенции, город людей, из

которых что-то вышло. Обман, мираж, выдумка старших. Где сорок сороков? Бедные, подмокшие на осенних дождях церквушки теряются среди грязных домов» [Там же]. «Чисто московским» признаком теперь показались рогожные тюки, которыми были нагружены проезжавшие ломовики: «рогожное богатство» [Там же].

Главное же, чем охладила Москва: «чужой, чужой мир, люди, люди, люди — и всем я безразличен» [Там же]. Даже у горничной, которая прислуживала ему в снятой родителями комнате, были «ненавидящие глаза». Не помогли ни посещения театров (и Художественного в том числе) и культурных мероприятий (лекции в Политехническом музее), ни прогулки по старым московским переулкам, по которым его водила землячка, чтобы показать «особую прелесть города». Правда, удалось полюбить Гранатный переулок, куда юноша стал наведываться мечтать: «Я выбрал для мечтаний особняк на другой стороне улицы. И <…> представлял себе в подробностях, как я в этом особняке живу, окруженный почетом и славой» [6, с. 217].

Неотвратимо вызревал вывод: «…среди внушающих доверие москвичей мне места не было» [6, с. 213], «…в Москве я нелеп» [Там же, с. 217]. Проведя полгода «в тоске и одиночестве», Шварц вернулся в Майкоп. Здесь он осваивает и сдаёт латынь, занимается музыкой и затем — уже не один, а вместе с кузеном Тоней — вновь приезжает в Москву, чтобы стать студентом юридического факультета Московского университета.

Однако «второе покорение» Москвы, уже на фоне военных событий, показало, что «московская тоска» «не прививалась» [6, с. 257]. Добавим, что ощущение чужеродности Шварца в Москве было поддержано атмосферой богатой успешной семьи дяди Аркадия: «…легкая, практичная, трезвая, веселая, она шла московским оживленным улицам с театрами миниатюр, ресторанами, тумбами с афишами, польскими кофейнями, спекулянтами» [Там же].

Интересна запись, подтверждающая, что Москва воспринималась Шварцем в чеховском ключе — как символ новой жизни: «Я тосковал и горевал, потому что с каждым днем становилось яснее, что нет на свете той Москвы, о которой я привык думать как об окончательной, абсолютной инстанции, более высокой, чем Петербург, сборище совершенств во всех областях» [6, с. 210]. Примечательна грамматическая и смысловая двусмысленность этой фразы из дневника: остаётся неясным, какой из двух городов — Москва или Петербург — является «сборищем совершенств во всех областях»?

Примечательно также, что любимым разговором в московской семье дяди, где вращался Шварц, было «сравнивать Москву и Петроград в пользу

первой» [6, с. 258]. И, наконец, Шварц впервые приезжает в Петроград — «повидать Милочку, заставить ее меня любить» (258).

Петроград сразу «принял» Шварца: «Тоска исчезла, как исчезает иной раз боль, едва приходишь к доктору. Испытывая легкую дрожь, увидел я город» [6, с. 258–259]. И дальше, созерцая Неву, Сенатскую площадь, он «ясно почувствовал своеобразие города, о котором умалчивали у Аркадия. <…> И смутное чувство, что этот город не чужой, что и он принимает меня, зародилось во мне» [6, с. 259]. И хотя отношения с Милочкой неуклонно идут к разрыву, именно после этой поездки Шварц пишет поэму, с похвалой принятую его близкими. Этот город оказывается катализатором творчества.

Петроград, ставший затем Ленинградом — центральный ретроспективный локус дневниковой прозы Шварца. Сюда он приедет в 1921 году из Ростова вместе с Театральной мастерской — по собственному определению, женатый, несчастный в семейной жизни, ненавидящий свою профессию, нищий, любимый своими товарищами и уверенный в своём будущем, которое с детства связывал с литературой. И здесь он, хотя и не сразу, найдёт свое место в литературе, женится и будет счастлив во втором браке, состоится как писатель — сначала как автор книг для детей, потом как драматург и сценарист. Понятно, почему несколько лет скитаний, предшествующих переезду в Петроград, за исключением уже ростовского «театрального периода», в дневнике опущены: участие в Добровольческой армии и «ледяном походе» не могли украсить биографию советского писателя, и писать об этом даже *для себя* было опасно.

Конечно, в обретении Петрограда как своего *места* важную роль играло и время, в которое появился здесь Шварц: начало 20-х годов было максимально благоприятным для творческой самореализации. Старые культурные институции потеснились новыми образованиями: театральными и кинематографическими студиями, литературными и художественными сообществами. Молодые кадры — в том числе талантливая молодёжь с окраин российской империи — устремились в столичные центры в надежде на заработок и самореализацию: «южанами» были не только представители так называемой «южнорусской школы» русской литературы, но и основатели ФЭКС Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг, основатель нового жанрового формата художественной декламации А. Я. Закушняк (в этой сфере сделал себе имя двоюродный брат Шварца А. И. Шварц¸ да и Евгений выступал в роли конферансье). Амбициозные юноши с хорошим образованием, выходцы из разночинных, часто еврейских семейств, хлынули в Петроград, и многих ждали удача и слава. В новых условиях катастрофического падения высокой культуры именно они оказались её носителями, просвещая народившегося

массового зрителя, делясь с ним своими читательскими интересами, а заодно открывая в себе неожиданные таланты. Дилетантство незаметно переходило в профессионализм. Именно об этом переходном времени в искусстве — между старым и новым — пишет Шварц в своём дневнике конца 1952 года, не развивая мысль, а лишь обозначая её: «Петроград оказался воистину призрачным. В искусстве. В нашей области — одни еще не умерли, а другие еще не родились. Старые имена не имели под собой почвы. А на новой почве росли странные искусственные цветы» [6, с. 268].

Восстанавливая на страницах дневника дальнейшее самоопределение в Петрограде, Шварц пишет и о «старых именах» (М. Кузмин, Ф. Сологуб и др.), и о новых «искусственных цветах», к краткосрочному цветению некоторых он имел отношение. В этот переходный для Шварца период («переход от актерской работы к литературной» [6, с. 275]) ключевой фигурой, олицетворявшей вожделенный мир словесности, выступил Корней Чуковский, литературным секретарём которого он стал. Сотрудничество с детскими издательствами (здесь уже бесспорным кумиром оказался С. Я. Маршак) определило дальнейшую репутацию Шварца как «детского писателя» вплоть до конца 20-х годов, когда была поставлена его пьеса «Ундервуд», на редкость благосклонно принятая театральным и литературным сообществом. Примечательно, что предметом, вокруг которого в этой комедии завязывается веселая полукриминальная кутерьма, своего рода «макгаффином», служит пишущая машинка — экзистенциально важный для Шварца предмет, символизирирующий желанный писательский статус. И этот статус он, наконец, приобретает на самом деле, преодолевая огорчительную «недовоплощённость».

Петербург / Петроград / Ленинград стал для Шварца городом писательской судьбы. Она же свела его с «Серапионовыми братьями», которые оказали огромное влияние на формирование литературной физиономии будущего «волшебника». Неслучайно «Серапионам» отведено такое значительное место в дневниках Шварца: каждый из них так или иначе повлиял на начинающего литератора, с каждым из них долгие годы будут связывать творческие и личные отношения [1]. В «Серапионах» Шварц «...почувствовал атмосферу менее враждебную, чем во всем остальном Петрограде. Более живую» [6, с. 283]. Близкие по духу и характеру творческих исканий, «Серапионы» окончательно убедили Шварца в том, что Петроград — *его* город. Их нарочитая *разность*, интерес к фантастическому, необычному, дух импровизации — всё это в конечном счёте определит и шварцевский жанр — сказку, и шварцевский стиль, основой которого стала ирония. Столь же важным в формировании его стиля — динамичного, кинематографичного,

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

со ставкой на занимательную фабулу — окажется кино, с которым Шварц свяжет свою деятельность как сценарист.

Дальнейшие страницы шварцевского дневника уже полностью посвящены Ленинграду, за исключением второго, мемуарного плана, связанного с эвакуацией в Киров во время войны и «флэшбэками» (майкопское прошлое, поездка на Донбасс и др.).

Подведём итоги. Каждый писатель приходит в литературу со своими «топосами» и их особенной, неповторимой разработкой. Например, в чеховском художественном мире, согласно Н. Е. Разумовой, «основные топосы» — «степь» и «море». Применительно же к Шварцу можно говорить преимущественно о топосе «город», причём каждый из конкретных городов, в силу особой «географической протеичности» автора дневника, повлиял на него, чему-то научил, что-то дал: «С Жиздрой связана любовь к церкви, колокольному звону, садам, сосновому бору. А в Одессе я полюбил корабли, лодки, порт, запах смолы и научился мечтать» [6, с. 66]. Даже Туапсе, где отдыхал на море шестнадцатилетний Евгений, привнёс в его духовное самоопределение нечто своё: здесь он встретил первых в его жизни знаменитостей: пианиста Игумнова и, что важнее, первого «живого» писателя — Шмелёва. И здесь же был найден «выход из тьмы»: после нечаянного убийства ласточки знакомым кадетом юный Шварц сочинил на основе этого сюжета рассказ, пока ещё оставшийся незаписанным.

Наконец, в контексте писательской судьбы можно говорить о Москве как городе, «не принявшем» Шварца (за исключением позднейших успешных постановок там его пьес) и об огромной, *организующей* роли Петрограда / Ленинграда — как в творческой самоидентификации писателя, так и в определении пространственных контуров его художественной вселенной. Добавим также, что это влияние заслуживает отдельного исследования, и ограничимся здесь указанием на несколько возможных аспектов темы. Во-первых, это исследование локусов Петербурга / Петрограда / Ленинграда в дневниковом дискурсе. Во-вторых, интересно будет прояснить связь между топосом «город» в шварцевских пьесах, выстраивающих некое условное, сказочное пространство, и литературной традицией «петербургского текста» и текстов о Петербурге. И, наконец, важно продолжить исследование связей Шварца с «серапионами» — не только на уровне личных и творческих контактов, но и на уровне взаимовлияния поэтики и художественных миров.

Дневники Е. Л. Шварца интересны и как подстрочник к литературным эпохам, в которые довелось жить писателю, и как ключ к его творчеству и личности.

Литература

1. Воскобоева, Е. В. К истории биографических и творческих взаимоотношений Евгения Шварца и «серапионовых братьев» // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 377–385.

2. Катаев, В. П. Кубик // https://litmir.club/br/?b=13697&p=21

3. Разумова, Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск : Томский государственный университет, 2001. 521 с.

4. Рубина, С. Б. Ирония как системообразующее начало драматургии Евгения Шварца («Голый король», «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо»): Дисс. … канд. филол. наук : 10.01.02 / Рубина София Борисовна. Горький, 1989.

5. Румановская, Е. Л. «Дневники» Е. Л. Шварца как литературное произведение: драма взросления // Сборник научных трудов XVIII Всероссийской научной конференции : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : СПбГУПТД, 2017. С. 194–200.

6. Шварц, Е. Живу беспокойно…: Из дневников. Л. : Советский писатель, 1990. 749 с.

~

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

УДК 821.161.1

Корчевская Ольга Валерьевна
Кандидат филологических наук, переводчик,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ok_vs@inbox.ru

АВТОРСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СО СЛОВОМ «AMORI» У М. ВОЛОШИНА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье анализируются конструкции со словом «Amori» в поэзии М. Волошина. Выясняется многозначность этих конструкций в результате их намеренных индивидуально-авторских преобразований, и, как следствие, неточный перевод, распространённый в научно-исследовательской литературе. Автором статьи выясняется жизнетворческий контекст и предлагаются новые, грамматически и литературоведчески выверенные варианты перевода анализируемых конструкций.

Ключевые слова: *русская литература рубежа XIX—XX веков, М. Волошин, латинизмы, «Amori Sacrum», «Amori et Dolori», «AMORI AMARA SACRA», «Amori Amara Sacrum».*

Olga V. Korchevskaya
PhD in Philology science, Interpreter, Assistant Professor
at the Department of Russian and Foreign Literature,
Institute of Philology, Crimean Federal University;
Russian Federation, Simferopol

M. VOLOSHIN'S EXPRESSIONS WITH THE WORD "AMORI": THE PROBLEM OF TRANSLATION AND INTERPRETATION

Abstract. *The article analyzes Latin expressions with the word "Amori" in M. Voloshin's poetry. It reveals the ambiguity of these expressions, implied by the author himself, which led to its misinterpretations in research works on Voloshin. The article discovers the cultural, literary and biographical context of those and offers their new, grammatically and literary verified translations.*

Key words: *Russian literature at the turn of the 19th – 20th centuries, M. Voloshin, Latinisms, "Amori Sacrum", "Amori et Dolori", "AMORI AMARA SACRA", "Amori Amara Sacrum".*

Для цитирования:

Корчевская, О. В. Авторские конструкции со словом «amori» у М. Волошина: проблема перевода и интерпретации // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 50–55.

Искусство рубежных XIX–XX столетий активно возрождало культуру классической древности. Значительной частью единого для европейских творческих элит античного кода стали латинизмы — языковые заимствования из латинского языка, а также конструкции, смоделированные на основе грамматики языка-оригинала.

Представителями русской литературы Серебряного века нередко являлись люди высокой культуры и классического образования, знатоки древних языков и античного искусства (В. Брюсов, И. Анненский, Вяч. Иванов, В. Вересаев и др.). Интерес к классической древности проявлялся в переводах поэтов-эллинов, использовании античных мотивов и сюжетов, стихотворных размеров, афоризмов и пр. При этом художников этого периода увлекала и своеобразная художественная игра с традиционным материалом, его мифотворческое переосмысление в поиске новых смыслов, конфигураций, созвучий. К числу таких художников относится поэт, критик, художник Максимилиан Волошин, в поэтической лаборатории которого нас привлекли латинизмы со словом «Amori». Уже первичный их анализ выявил грамматические особенности построения и вызванные ими неточности перевода. Накопление наукой о поэте подобного рода погрешностей ставит в качестве важной исследовательской задачи более точное понимание авторских замыслов Волошина и их творческой реализации.

В центре нашего внимания оказались следующие конструкции:

- «Amori Amara Sacrum» (вариант: «AMORI AMARA SACRVM») — название одного из разделов поэтического сборника «Стихотворения. 1900–1910»;

- «Amori Sacrum» — название стихотворения 1905 года из неопубликованной книги «Звезда-Полынь» 1907 года;

- «AMORI AMARA SACRA» — посвящение к неопубликованному сборнику «Звезда-Полынь»;

- «Amori et dolori» — вставка в текст сонета «Грот нимф» 1907 года.

Очевидно, что объединяет анализируемые выражения лексема «Amori» (от лат. *Amor* – любовь). Она является частью латинизмов, используемых поэтом в произведениях, посвященных своей возлюбленной (с 12 апреля 1906 года жене) — Маргарите Сабашниковой. Избранницу М. Волошин называл созвучно словоформе *Amori* именем Аморя [1, с. 260]. Однако после мучительного разрыва с женой весной 1907 года её имя ассоциируется со словом *amara* ("горькая" или 'горечь') [1, с. 260] и, соответственно, получает новое толкование. Также с этого времени в имени Маргариты-Амори актуализируется индоевропейский корень «мар-мор», связанный со смертью, болезнью, наваждением. За Вечной Женственностью проступает облик богини-праматери, богини смерти Мары, морской стихии, Девы-Звезды-Полыни: «Марево-Мара, // Море безмерное, // Amor-Maria — // Звезда над морями!» («Гностический гимн Деве Марии», 1907) [2, с. 86].

Проанализируем каждый из указанных латинизмов Волошина.

Конструкция «Amori Amara Sacrum» (варианты перевода в волошиноведении: «Святая горечь любви» [9, с. 19] или «Святилище горькой любви» [8, с. 20]) обнаруживает несогласованность в роде, числе и падеже входящих в её состав слов. *Amori* — форма дательного падежа существительного *amor* («любовь») (но в переводах на русский почему-то переводится родительным падежом («горечь любви», «святилище любви»); *amara* — существительное со значением 'горечь, горький вкус' либо прилагательное женского рода со значением 'горькая'; *sacrum* — существительное со значением 'священный предмет, священный обряд, священнодействие, жертвоприношение, жертва' либо прилагательное мужского или среднего рода со значением 'посвященный(ое), священный(ое), святой(ое), прОклятый(ое)'. Выбор Волошина в пользу сочетания «Amori Amara Sacrum» в названии раздела определённо перекликается с заголовком раздела «Stella amara», предусмотренного в другой, ранее составляемой поэтом (но не опубликованной при жизни поэта) книге «Звезда-Полынь» (1907).

Для переводчика латинизм «Amori Amara Sacrum» своего рода лексико-грамматический ребус, на русский язык без потерь смысла, увы, непереводимый. Однако в попытке найти наиболее адекватный вариант перевода выскажем предположение о специфической синтаксической связи слов в данной конструкции. А именно: о наличии грамматической основы в нём, где *amara* — это подлежащее, существительное в И. п. мн. ч. ср. рода (переводится на русский единственным числом — 'горечь'), *sacrum* — часть составного именного сказуемого вместе с глаголом-связкой *est*, которая часто опускается в заглавиях и афоризмах. Компонент *Amori* — дополнение в форме

datives commodi (дательного падежа пользы, переводится на русский существительным с предлогами для, ради). То есть перед нами фраза «Amori Amara Sacrum est», которую можно перевести как «Горечь <есть> жертва ради Любви-Амори».

Ещё один вариант перевода слова *sacrum* глаголом «посвящается»: «Любви-Аморе посвящается <моя> горечь». Смыслы обеих фраз следует понимать: Волошин надеется преодолеть горечь расставания с женой, освободиться и перерасти себя [3, с. 252]. Для поэта скорбь, мука — это причащение / познание горьких тайн Любви, жертва (подобно крестным мукам Христа) и необходимое условие для продвижения вверх по лестнице Любви (Эроса). Следовательно, Любовь к Маргарите–Аморе–Amori закончилась, но увековечена поэтом в заголовке одного из разделов сборника стихов.

Название стихотворения «Amori Sacrum» (в литературе переводится как «Святилище любви» [6, с. 20]) из неопубликованной книги «Звезда-Полынь» представляет собой игру слов: «Посвящение Любви-Аморе» или «Жертва / жертвоприношение Любви-Аморе». Любовь обязательно писать с заглавной буквы, для передачи языковой игры слово Amori следует переводить «Любви-Аморе». Перевод «Святилище любви», на наш взгляд, неадекватен, значение «святилище» у слова *sacrum* дают далеко не все словари и речь про святилище в стихотворении не идет.

К этой же книге автором планировалось посвящение «AMORI AMARA SACRA» (в литературе переводится как «Святилище горькой любви» [6, с. 20]). В сравнении с конструкцией «Amori Amara Sacrum» последний компонент, как видим, приведён в форме множественного числа (*sacrum* — *sacra*) со значением 'тайны, таинства, мистерии" [3]. Полагаем, что к игре с формами этого слова М. Волошин прибег с целью получить равное количество букв во всех трёх словах, что позволило записать их друг под другом в форме квадрата (магический квадрат слов). Относительно же новых смыслов, то слово *amara* в посвящении должно было перекликаться с таким же словом в названии раздела «Stella amara» (которое можно перевести как «святая/священная горечь»). При этом не снимается проблема согласования со словом «Amori» (существительным «любовь» в форме Д. п.). Обратившись к контексту творчества Волошина данного периода, выясняем, что во входившем в сборник «Звезда-Полынь» стихотворении «Amori Sacrum» (1905) звучит мотив тайны / таинства любви: «И тайны в утренней тиши // Свершались <…> И трепеща, необычайны // Горе мы подняли сердца // И причастились страшной Тайны // В лучах пылавшего лица. // И долу, в мир вела дорога — Исчезнуть, слиться и сгореть: Земная смерть есть радость Бога:

Он сходит в мир, чтоб умереть» [2, с. 68–69]. Лирическим героям стихотворения суждено пройти через таинство «горькой любви», страдать, умереть и возродиться. Следовательно, слово «SACRA» в волошинской конструкции «AMORI AMARA SACRA» — это именно «таинства» или «мистерии», а не прилагательное «святой, священный» и тем более не существительное «святилище». Следовательно, переводить следует как «Горькие таинства/Горькие мистерии». Вся конструкция значит «Горькие мистерии / таинства <посвященные> Любви-Аморе».

Продолжением языковой игры М. Волошина со слово *Amori* является сближение слов, созвучных не корнями (как *Amori* и *amara*), а окончаниями. Так, в сонете «Грот нимф» (1907) находим: «О, странник-человек! Познай Священный Грот / И надпись скорбную „Amori et dolori“». Здесь слово *dolori* с близким по смыслу к слову *amara* значением 'боль, страдание, скорбь, огорчение, печаль' поэта устраивает именно своей рифмованностью с *Amori*. До сих пор никто не пытался выяснить источники латинизма «Amori et Dolori» (в литературе переводится как «Люби и страдай» [7, с. 19; 5, с. 156] или «Любви и скорби» [4, с. 460]). Между тем, мы выяснили, что конструкция «Amori et Dolori» является начальной частью широко распространенного в русско-европейской культуре рубежа веков латинского выражения «Amori et Dolori Sacrum» («Любви и боли/страданию посвящается»). Выяснено: его источником являются надписи на христианском культовом сооружении, что нам видится своеобразным продолжением древнеримских погребальных надписей. Моду на этот оборот в культуре рубежа XIX—XX веков ввел французский писатель Морис Баррес, взяв его в качестве названия своей книги 1902 года [8]. Творческая элита этой эпохи, сохранив слова-компоненты этого устойчивого оборота, придала ему новый смысл: божественная любовь и крестные страдания трансформировались в боль и печаль при переживании мистической, эстетской (порой — и эротической) любви, неразделенной и/или разрушающей, нередко сопряженной с умиранием.

Итак, конструкции «Amori Sacrum», «AMORI AMARA SACRA», «Amori Amara Sacrum» стоит признать оригинальной трансформацией М. Волошиным латинизма «Amori et Dolori Sacrum». Трансформация заключается в авторской игре со словом «Amori», в котором слышится имя Аморя, «благоуханное имя», данное поэтом своей возлюбленной М. В. Сабашниковой, а также со словом «Amara», также созвучным имени Маргарита и раскрывающим горькую и жестокую ипостась Любви-Амори. Фактически Волошин соединяет расхожий латинизм «Amori et dolori sacrum» с понятием «горечь» — *amara*, созвучным именам *Маргарита*, *Мария*, *Мара*

и одновременно — *Аморя*. Это именно волошинская интерпретация в результате явно осознанной, даже концептуальной для поэта авторской игры слов. Потому переводы существующих в научно-исследовательской литературе не всегда точных переводов волошинских латинизмов, нуждаются в коррекции, что мы и предприняли, разрабатывая как сугубо лингвистические, так и художественные аспекты творчества Максимилиана Волошина.

Литература

1. Азадовский, К. М. Примечания к письмам М. А. Волошина // Волошин, М. А. Собрание сочинений. Т. 11, кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга вторая. 1906–1924 / Под общ. ред. А. В. Лаврова. М. : Эллис Лак, 2015. 784 с.

2. Волошин, М. А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А. В. Лаврова; Коммент. В. П. Купченко. М. : Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.

3. Волошин, М. А. Собрание сочинений. Т. 7, кн. 1. Журнал путешествия (26 мая 1900 г.–?); Дневник 1901—1903; История моей души / Сост., подгот. текста, коммент. В. П. Купченко. М. : Эллис Лак 2000, 2006. 544 с.

4. Купченко, В. П. Комментарии // Волошин, М. А. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; Коммент. В. П. Купченко. М. : Эллис Лак 2000, 2003. С. 434–566.

5. Левичев, И. Концепт «Amori et Dolori» в сонете М. Волошина «Грот нимф» // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 147–159.

6. Мирошниченко, Н. «Звезда-Полынь» Максимилиана Волошина: трансформация одного экспоната Дома Поэта // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 62. 24 с.

7. Пинаев, С. М. Тема смерти-бессмертия в стихотворениях Максимилиана Волошина 1900-х годов // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 17–24.

8. Barrès M. Amori et Dolori Sacrum. La mort de Venise. – Paris: Félix Juven, Paris, 1902. – 172 p.

~

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

УДК 9.522.1; 929.55 [821.161.1]

Кожин Владислав Владимирович
Главный хранитель,
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»,
Дом-музей А. П. Чехова в Ялте;
Российская Федерация, Ялта, e-mail: kozjin@bk.ru

ГУРЗУФСКИЙ МИР МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: АСПЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В данной статье сделан акцент на литературное наследие Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941), сформированное ею во время пребывания в апреле 1911 года в Гурзуфе. На основании выявленного нами ранее круга творческих интересов поэта даются комментарии к произведениям, написанным на курорте или отразившие впечатления Цветаевой от Гурзуфа. Проведённое исследование позволяет доказать самостоятельную ценность гурзуфского периода в процессе поэтического становления поэта.

Исследование ставит цель по выявлению и изучению литературоведческой составляющей места (локуса) в рамках создания музейного мемориального пространства, отражающего в полной мере единую картину жизни и творчества Цветаевой в Гурзуфе[1].

Ключевые слова: *русская литература, Серебряный век, М. И. Цветаева, 1911 год, Гурзуф, Крым, Крым курортный, историческая реконструкция, история быта, краеведение, музееведение.*

Wladyslaw W. Kozhin
State Budgetary Institution of Culture of the Republic of Crimea
"Crimean Literary and Artistic Memorial Museum",
A. P. Chekhov house-museum in Yalta;
Russian Federation, Yalta

GURZUF WORLD OF MARINA TSETAEVAYA: ASPECT OF LITERARY HERITAGE

[1] Работа по научной реставрации и музеефикации Дома филолога Б. В. Томашевского входит в комплекс задач ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Abstract. *This article focuses on the literary heritage of Marina Tsvetaeva (1892–1941), formed by her, during her stay in Gurzuf in April 1911. Based on the range of her creative interests identified earlier, there is made some comments on the works written at the resort, or reflecting Tsvetaeva's impressions of Gurzuf. The conducted research allows to prove the independent value of the Gurzuf period for the process of formation of the poetic personality of Tsvetaeva.*

This study aims to identify and study the literary component of the place (location) in the framework of creating a museum memorial space that fully reflects a single picture of the life and work of Tsvetaeva in Gurzuf.

Key words: *Russian literature, Silver Age of Russian poetry, Tsvetaeva Marina, 1911, Gurzuf, Crimea, resort Crimea, historical reconstruction, life history, local history, museum business, museum science.*

Для цитирования:

Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: аспект литературного наследия // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 56–67.

Рассмотрев и проанализировав документально-географический аспект гурзуфского мира Цветаевой, базисом которого явились два письма поэта к М. А. Волошину, мы получили красноречивые сведения об окружении, досуге и условиях проживания Марины Ивановны [см. 2] на южном берегу. Теперь необходимо обратиться к её литературному наследию.

Стоит отметить, что в гурзуфский период — а месяц пребывания поэта на столь небольшом клочке курортной земли вполне можно называть *периодом* в его литературоведческом понимании — М. И. Цветаева написала два стихотворения[2] «Детский юг» и «Весна в вагоне» (из тех, что имеют точную датировку). Они прямо помечены Гурзуфом, причём одно («Весна в вагоне») — датировано заключительным периодом пребывания поэта на пушкинской земле: 1 мая 1911 года. Также в этот день Цветаевой куплена книга Беттины фон Арним «Гюндероде», вероятно, для чтения в дороге по

[2] Это весьма много, если знать, что за три недели пребывания в Гурзуфе Пушкин закончил элегию и начал поэму (всего Б. В. Томашевский, занимавшийся этим вопросом, сумел указать лишь 4 лирических текста, относительно которых «с большей или меньшей уверенностью, можно сказать, что они написаны в Крыму»); Мицкевич — один сонет (после двух дней в Гурзуфе); Вяземский после дня в Гурзуфе оставил одно произведение, Жуковский и Грибоедов за тот же срок — ничего поэтического.

пути в Коктебель, куда она прибыла 5 мая «после целого дня певучей арбы по дебрям восточного Крыма»[3].

Отметим также, что эти стихотворения были включены Цветаевой в её второй сборник «Волшебный фонарь»[4], вышедший в Москве в следующем, памятном, 1912 году. То, что взыскательный автор включил гурзуфские стихи в свой новый сборник, говорит о полном удовлетворении их формой и содержанием. В стихотворении «Весна в вагоне», написанном у берега Чёрного моря, сказывается увлечение поэтессы фигурой художницы Марии Башкирцевой, а также выделяется важный, по нашему мнению, топографический элемент — калитка и синие холмы. Синий здесь неслучаен: на первый взгляд, это непонятная отсылка, если не знать, что проход к дому пушкиниста Б. В. Томашевского (место проживания Цветаевой в период её отдыха в Гурзуфе) отделён от смежной ему дачи А. П. Чехова именно синей калиткой, сохранившейся в неизменном виде[5].

Дело в том, что в то время от дома О. М. Соловьёвой (позднее принадлежавшего Б. В. Томашевскому) к Генуэзской скале можно было пройти разными путями: достаточно извилистой дорогой вдоль моря с весьма неустроенным берегом и наиболее коротким — через смежные садовые участки соседей. Смеем предположить, что Цветаева могла испросить разрешения проходить к скале через участок Чехова, где как раз в апреле – первых числах мая 1911 года жила сестра писателя[6], Мария Павловна. Так, напрямик, юная Марина могла бы, не покидая садов, пройти к любимой ею скале. Образ этого тихого уголка, гор и садового разнотравья, предстаёт в стихотворении таким:

Встают, встают за дымкой синей
Зелёные холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки…
Но этой сказки героини
Апрельские — не мы!

---

[3] Распространено ошибочное мнение, что поэт на арбе преодолела весь путь от Гурзуфа. из Гурзуфа Цветаева отправилась 3 мая на пароходе в Судак, а оттуда уже на арбе добралась в Коктебель.

[4] Можно сделать осторожное предположение, что и название сборника имеет гурзуфское начало. Безусловно, показы волшебного фонаря, известные М. И. Цветаевой и раньше, всё же были одним из ключевых развлечений публики на курорте П. И. Губонина.

[5] Название «Синяя калитка» имеет и книга воспоминаний И. Н. Медведевой-Томашевской [см. 4].

[6] Однако отметим, что литературное наследие А. П. Чехова не было близко по духу М. И. Цветаевой. Она признавала Чехова мастером, но не полюбила.

Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны…
Но этой встречи феерия
Апрельская — не нам!
«Весна в вагоне» (Гурзуф, 1 мая 1911) [8, Т. 1, с. 152].

Кроме того, в Гурзуфе Цветаева, несомненно, работала над иными текстами, опубликованными позднее, но не поддающимися точной атрибуции по месту или времени написания. Сохранили следы гурзуфской семантики и стихотворения поэта «Встреча с Пушкиным», «Байрону»[7], написанные в 1913 г. в Ялте. Предположим, что литературные замыслы или черновики, восходящие к гурзуфскому периоду, с образами этого курортного городка, ещё могут таиться в неизданных дневниках, записных книжках и рабочих тетрадях Цветаевой — но этот аспект требует дополнительной исследовательской работы.

Выдвинем предположение, что ко времени пребывания М. И. Цветаевой в Гурзуфе может относиться двухчастная прозаическая автобиографическая (при жизни Цветаевой — неопубликованная) повесть «То, что было», датированная в Полном собрании сочинений поэта предположительно <1911–1912> годами. Рефлексивный и сентиментальный тон произведения, направленность автора в себя, в своё прошлое (мать М. И. Цветаевой умерла в 1906 году, следовательно, события «То, что было» происходили до этого года), указывают на уединённость, погружённость поэта в собственный мир воспоминаний в тишине и отрешённости от всего[8].

Для написания этой повести требовалось место именно для уединённого спокойного размышления. Гурзуф в 1911 году и должен был стать таким местом. Тогда Цветаева впервые путешествовала в Крым одна — без семьи или подруг (как в 1905 или 1909 гг.), наедине со своими мыслями и переживаниями. В то же время богемная компания Коктебеля и увлечённость Сергеем Эфроном, ознаменовавшие новый период её жизни и новые обертоны в литературном языке, ещё никак не проявили себя в указанной повести — от неё веет доброй патриархальной Москвой, семьёй, детством.

[7] Общеизвестно, что именно в Гурзуфе Пушкин при посредстве Н. Н. Раевского-младшего познакомился с поэзией Байрона в оригинале, до того имея представление о поэте лишь по французским переводам. Элегия «Погасло дневное светило», написанное ночью на корабле из Феодосии в Гурзуф, полностью байроническое.

[8] В 1914 г. М. Цветаева писала В. В. Розанову, что она «шестнадцати лет безумно полюбила Наполеона I и Наполеона II, целый год жила без людей, одна в своей маленькой комнатке, в своем огромном мире» [7, Т. 4, с. 124].

Повесть явно была написана до знакомства Марины Цветаевой с волшебным миром Киммерийских сумерек, и сродна по духу первому поэтическому сборнику, чему должна была способствовать уединённая жизнь в Гурзуфе — здесь было бы возможно переосмысление автором пережитого, чтобы детально и спокойно изложить всё на бумаге.

К сожалению, и в коротком периоде пребывания Марины Цветаевой в Гурзуфе есть свои неразгаданные места (литературные и биографические лакуны). Помимо известных писем поэта из Гурзуфа к Волошину и сведений о его ответных письмах в Гурзуф, существует свидетельство этого периода близкой и одной из самых дорогих Цветаевой знакомых — А. К. Герцык (1874–1925). С ней Марина Ивановна встретится в Коктебеле буквально через месяц, но заочно уже совсем знакома. Так, мы знаем, что 26 апреля 1911 года Аделаида Герцык сообщала всё тому же Волошину: «От Марины же получаю частые, полные confidences[9] письма, из кот<орых> я, наконец, поняла всю её детскость и непосредственность. Вчера было такое очаровательное письмо и так много в нём про вас, что мне нужно усилие, чтоб воздержаться и не послать его вам» [3, с. 153].

Излишне говорить, что как раз в это время М. И. Цветаева жила в домике у О. М. Соловьёвой. И требуется определённая удача исследователя, чтобы разыскать и изучить эти «частые, полные confidences письма» (сохранились ли они?), которые должны были приходить Аделаиде Казимировне из солнечного Гурзуфа, с почтовой станции Губонина, куда Марина Ивановна, вероятно, каждый день приносила по письму. Какие темы в них поднимала Цветаева? Что описывала? Что занимало её? Какие новые штрихи к жизни её на гурзуфской земле эти письма могли бы придать? Всё это ещё только предстоит изучить… Возможно, в посланиях Цветаевой к Герцык звучали те же мотивы, что в письмах к сестре Анастасии, о которых та вспоминала следующее: «Шли мои последние недели в Москве. Марина была уже в Гурзуфе. Марина писала о чудных пушкинских местах, о прелести своего одиночества, о волшебстве прогулок и солнечных (она очень любила загар) и лунных, о счастье быть у моря[10] (то детское, пушкинское «К морю»).

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!..

[9] Откровения, откровенности (фр.)

[10] Всё же в Гурзуфе, должно полагать, Цветаевой удалось найти собственное «ineinander» со стихией!

Одна скала[11]*, гробница славы…*
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон…

И еще писала о мальчике-татарине (как долго это назад — было, если я забыла его имя — Осман? — Марина так часто вспоминала о нем…). Этот мальчик так привязался к ней, что пытается за ней ходить всюду…» [7, с. 642].

Вот, кажется, мы и понимаем, что за confidences упоминала Аделаида Герцык!

Рассмотрим подробнее второе гурзуфское стихотворение Цветаевой «Детский юг», в публикации подписанное подробно «Гурзуф, Генуэзская крепость, апрель 1911».

В каждом случайном объятьи
Я вспоминаю её,
Детское сердце моё,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки,
(Видно, душа над могилой)[12]*.*
Синие глазки у милой
И до плечей завитки[13]*.*

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке[14]*…*

---

[11] Островерхие скалы Гурзуфа, отвесно обрывающиеся в море, без сомнения, напоминали Цветаевой скалы святой Елены. Легко представить, как поэт, взбираясь на Генуэзскую крепость, стоя на краю обрыва и скрестив руки на груди, пыталась почувствовать то же, что чувствовал Наполеон, взирая на бескрайнее море перед ним.

[12] Образ тех самых огоньков в горах, упоминаемых в письме к М. А. Волошину от 18 апреля 1911 года.

[13] Автопортрет. Цветаева пишет в 1930-х, что тогда она «стриженая (после кори, волосы *только* начинали *виться*)».

[14] Позволим увидеть здесь отсылку к знаменитой теноровой арии из оперы Пуччини «Богема» «Che gelida manina» («Что за маленькая холодная ручка») из 1 акта оперы, во время первой встречи Родольфо и Мими. В 1910-х годах широким тиражом расходились записи этой арии в исполнении Энрико Карузо, она стала одной из визитных карточек певца, а поэтический образ арии не мог быть неизвестен Цветаевой.

В чьем опьяненном объятии
Ты обрела забытьё,
Лучшее сердце моё,
Девочка в розовом платье [8, Т. 1, с. 142].

В этом стихотворении, написанном от лица мальчишки, угадываются и знакомые гурзуфские элементы (татарин, фонтан, пряный дух пекарен (читать — юга)) и образ vis-á-vis — автора. Следовательно, можно говорить о романе? Не оттого ли так грустно письмо к Волошину от 18 апреля? Не потому ли так полны confidences письма к Герцык?

В записной книжке № 5 за 1918 год обнаруживается следующее размышление Марины Цветаевой: «— Вы любите детей? — Нет. — Могла бы прибавить: „не всех, так же, как людей, таких, которые“ и т. д. Могла бы — думая об 11-летнем мальчике Османе в Гурзуфе, о „Сердце Анни“ Бромлей, и о себе в детстве — сказать „да“».

Упоминание мальчика Османа встречается также в книжке № 3 за 1916–1918 годы: «— “Пушкин? Моя бабушка помнит, — веселый такой. Никогда не сидел, всё бежал. И очень на лодке кататься любил. И девушек любил, — добрый был, орехи давал, деньги давал. И волосы такие…” (не зная как сказать быстро-быстро перебирает в воздухе пальцами.) — Рассказ мальчика Османа в Гурзуфе, весной 1911 г.». Получается, Гурзуф стал декорациями юношеского романа Марины Ивановны? Рассуждать здесь — не смеем, а лучше приведём собственный рассказ поэта, чудесным образом (к счастью исследователей!) самым подробным образом сохранившийся в Сводной тетради № 1 на стр. 8. Приводим его целиком:

«Какого-то июля 1923 г.

Дорогое мое дитя! [Обращено к А. В. Бахраху[15]*.] У меня за всю жизнь был всего один маленький друг — моих 17-ти лет в Гурзуфе мальчик Осман, одиннадцати. Я жила совсем одна, в саду, выходившем на Генуэзскую крепость, возле татарского кладбища. И я этого мальчика любила так и этот мальчик меня любил так, как никогда уже потом никто меня и, наверное, никто — его. Я сейчас объясню: всё это была наиглубочайшая бессмыслица.*

Я была стриженая (после кори, волосы только начинали виться) – все татарки длинноволосые, да еще по 60-ти кос на голову! — во мне ничего

[15] Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) — писатель и литературовед. Марина Цветаева посвятила ему несколько стихотворений из цикла «Час души». Когда она уехала в Прагу, между Цветаевой и Бахрахом велась переписка, существенная часть которой впоследствии была опубликована литературоведом.

не было, за что меня татарский мальчик мог любить, он всё должен был перебороть, его мною дразнили, я ему ничего не дарила, мы почти не говорили с ним, и — клянусь, что это не была влюбленность! Мы лазили с ним на мою крепость — на опасных местах, тех, без веревки, местах даже запретных, где лазили только англичане, он мне протягивал свою ногу и я держалась — а наверху — площадка: маки, я просто сидела, а он смотрел, я на маки, а он на меня, и смотреть, клянусь, было не на что, я была стриженая и во мне даже не было прельщения «барышни»: ни батистовых оборчатых платьев, ни белизны — полотно и загар! — ходили с ним на татарское кладбище — плоские могильные плиты цвета вылинявшей бирюзы — «Тут мой дедушка лежит. Когда я прихожу — он слышит. Хороший был» — и к нему на табачные плантации (он был без отца — и хозяин!) и к нему в дом, на пол перед очагом, где вся его семья (вся женская) — 10 мес. ребенок включительно неустанно пили черный кофе — не забыть бабушки (или прабабушки) 112-ти лет, помнившей Пушкина — он покупал мне на 1 коп<ейку> «курмы[16]», горсть грязи, которую я тут же, не задумываясь, съедала.

– Когда я уезжала, он сказал: — «Когда ты уедешь я буду приходить к тебе в сад и сидеть». И я, лицемерно: «Но меня не будет?» — «Ничего. Камень будет». И в последнюю ночь ни за что не хотел уходить, точно я уже умерла: — «Я буду с тобой и не буду спать». В 12 ч. заснул на моей кровати, я тихонечко встала и пошла на свою скалу. Ночь не спала. Утром в 6 ч. разбудила. Пошли на пароход, и он опять нес вещи, как в первый раз, когда с парохода. Простились за руку. Тут — заскок памяти: помнится — брезжится — что в последнюю секунду что-то произошло: либо вскочил на пароход, либо — не знаю каким чудом — встретил меня в Судаке. М. б. вскочил в лодку и плыл вслед? Честно: не помню, только помню, что что-то под самый конец — было, а откуда на меня глядели его черные (всего лихорадочнее: татарские) глаза, с гурзуфской ли пристани, с судакской ли — не знаю.

Через $2^1/_2$ года я, уже замужем и с двухлетней Алей была в Ялте, поехала в Гурзуф, отыскала Османа — Осман-Абдула-Оглы: у фонтана — данный им навек его адрес — огромного! привезла его в Ялту, познакомила с С[ергеем]. — «Хороший у тебя муж, тихий, не дерется». Алей любовался и

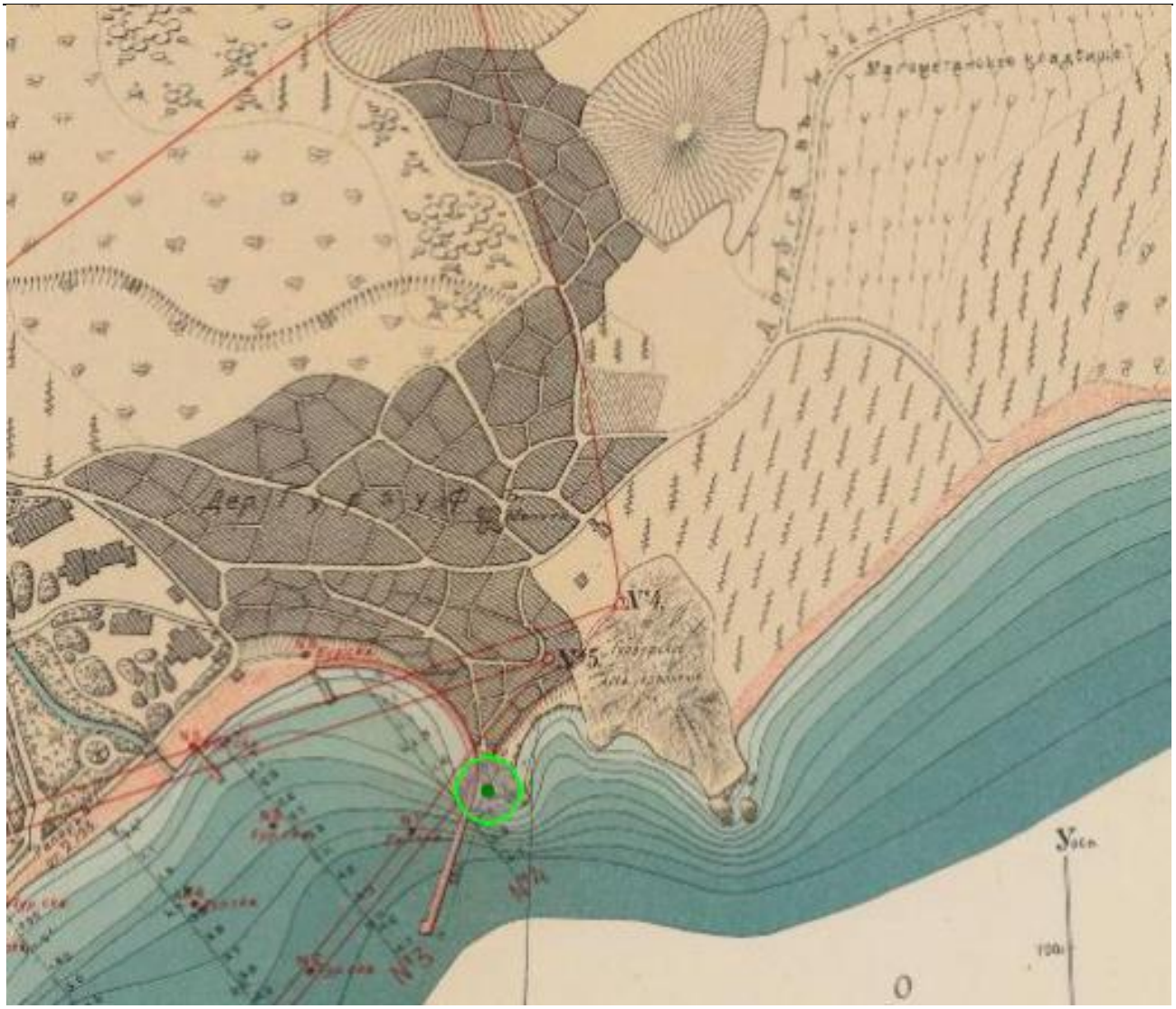
[16] Должно быть, то же блюдо упоминает Грибоедов, гостивший ранее в Гурзуфе в том же доме Ришелье, что и Пушкин: «Сливы, гранаты, *коурма*, — роскошь прозябания в Симеизе». Жирное кушанье из тщательно рубленого мяса и овощей, чрезвычайно питательное, пряное и ароматное, которое готовится на огне в собственном соку.

играл с ней. Обо мне рассказывал: «Когда ты уехала, я всё приходил к тебе в сад, сидел на том камне и плакал» – просто, повествовательно, как Гомер о судьбах Трои. Был еще рассказ – о том, как он одной из этих зим ездил со своей школой в большой город: Москву и искал там меня. Было или нет, Москва ли этот большой город или Симферополь – так и не выяснила, рассказывал как сон. Но во сне или нет – искал меня. Потом как-то затосковал, сорвался с места: Домой поеду! Некрасивый, востролицый, очень худой.

Эту любовь я считаю – gros lot de ma vie[17]*. Не смеюсь и не смейтесь. В ней было всё, что мне нужно: сознание (certitude)*[18]*, но сознание – такое. - Пишу это п[отому] ч[то] Вы напоминаете мне моего Османа, не Вы, которого не знаю, а свое чувство, которое (которые) знаю: узнаю. Ваше двадцатилетие где-то во мне равняется его одиннадцатилетию. Из той же области чувств: без дна и без дня, вслепую и впустую. Пишу Вам как мысль идет, не сбивайте — и не делайте выводов: мы ведь еще не знакомы…»*

Эта великолепная эпистола (отправленная ли адресату?) открывает цветаевский Гурзуф совершенно с другой стороны. Обращает на себя внимание географический момент: «*жила <…> в саду, выходившем на Генуэзскую крепость, возле татарского кладбища*». Здесь следует объяснить путаницу — через 12 лет после событий, в памяти Цветаевой образы Гурзуфа сжались до размеров сада и крепости, что повлекло за собой несоответствие в ориентирах и расстояниях. В самой деревушке не было кладбища, на которое можно было попасть из крепости, как и в крепость, непосредственно сразу покинув сад дачи О. М. Соловьёвой. Красноречиво свидетельствует об этом подробный план Гурзуфа (гурзуфской бухты), отпечатанный в 1899 году. На нём зелёным кружком отмечено место домика О. М. Соловьёвой, видны участки (в том числе Чехова), расположенные по прямой к крепости. Магометанское кладбище расположено вдоль дороги на Суук-Су весьма (на карте в правом верхнем углу) далеко от крепости и от дачи. Отметим, также, мол для пароходов (ныне утрачен).

[17] главным выигрышем в жизни (фр.)
[18] уверенность (фр.)



План гурзуфской бухты 1:4200 (1899) [5].

Другой момент — камень. «*Ничего. Камень будет», «сидел на том камне и плакал»*. До сих пор рядом с домом выделяется один плоский камень, как будто бы горбом выдающийся над бетоном дорожек и, словно гигантский язык, вывернут в сторону Генуэзской крепости. Он несколько нависает над буйствующей стихией в саду у самых стен дома, где когда-то жила Цветаева.

Благодаря приведённой автобиографической заметке становятся понятны элементы поэтического «Детского юга» — большой фонтан, его рокот; пряный дух пекарен (курма — ведь к этому блюду полагается душистая лепёшка), все грани атмосферы того апреля у развалин крепости. Теперь совершенно ясно, кто этот «он», который на Генуэзской скале говорил Цветаевой о самозабвении, и на кого сетовала она в письме Волошину [см. 6].

Всё это красноречиво доказывает наблюдательность Цветаевой-поэта и её желание как можно точнее зафиксировать схваченный образ в своём

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

творчестве — удивительный мир юга продолжает жить в её стихах и в камнях, помнящих ту «девочку в розовом платье»[19].

Итак, приведённые нами воспоминания в дополнение к анализу произведений, написанных Цветаевой в Гурзуфе, с учётом ранее исследованного документально-географического аспекта [см. 2], вскрывают чрезвычайно важный культурный пласт информации в его литературоведческом значении. Он позволяет совершенствовать и качество музейной работы:

1) сформировать представление о предметах, которые составляли творческий и духовный мир поэта, выделить мотивы и конкретные объекты, нашедшие отражение в её искусстве периода;

2) выделить и обосновать понятие «гурзуфского» периода в процессе становления литературной гения Цветаевой;

3) проследить моменты личностного характера и особенности событийно-эмоциональной среды, окружавшей поэта в Гурзуфе в апреле 1911 года, что в дальнейшем должно поспособствовать дополнительным исследованиям этих моментов.

Отметим, что исследованный нами литературный аспект творчества Марины Цветаевой на крымской земле, равно как и анализ художественных и эмоциональных образов, привязанных к данной местности, с учётом самобытности гурзуфского периода творчества поэта, позволит существенно раскрыть потенциал места, где она жила. В свою очередь это позволит рассматривать подлежащий реставрации дом Б. В. Томашевского в качестве одного из культурных объектов Гурзуфа, заслуживающих первоочередного сохранения.

---

[19] Нам видится необходимым обратить внимание читателя на параллель со стихотворением Цветаевой «Тебе — через сто лет…» 1919 года. В нём есть такие строки: «Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье / Моим друзьям во мглу могил: / – Все восхваляли! Розового платья /Никто не подарил!». Стало быть, этот образ юности — реальный ли, «ростановский» ли, — стал для поэта символом благополучия и надежды. Так же розовый цвет трактует Анна Саакянц: «Розовое платье. Розовый цвет, румянец. Символ юности, чистоты, нежности, Романтики. Еще в стихах 1913 года: «Слишком розовой и юной я была для Вас»; «Я, вечно-розовая, буду Бледнее всех»; «розовый рот» Комедьянта; «румяный рот» героини стихов «Сонечке Голлидэй»; розовый наряд семидесятилетней бывшей жестокой красавицы из неоконченной пьесы; наконец — розовая зала Дворца Искусств на Поварской, которую упоминает Цветаева в записях» а также заметка поэта о том, что лучше всех ситец - розовый [6, с.416].

Источники

Фондовое собрание

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

1. Полканов, А. Ялта и ее окрестности (экскурсионные очерки). 2 изд., перераб. и доп. Симферополь, Крымское государственное издательство, 1930. 120 с. НВ 2579

Литература

2. Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: документально-географический аспект // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 35–53.

3. Купченко, В. П. Марина Цветаева. Письма к М. А. Волошину // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дом на 1975 год. Л. : Наука, 1977. 276 с.

4. Медведева-Томашевская, И. Н. Синяя калитка // Крымский альбом : Историко-краеведческий литературно-художественный альманах : в 8 вып. / Под ред. Д. А. Лосева. Феодосия ; Москва, 1996–2003. Вып. 2. Феодосия; М. : Коктебель, 1997.

5. План гурзуфской бухты 1:4200 (1899) [Электронный ресурс] // Retromap. URL: http://retromap.ru/14189917_44.542591,34.285444 (дата обращения: 10.03.2023).

6. Саакянц, А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак, 1997. 816 с.

7. Цветаева, А. И. Воспоминания : в 2 т. Т. 1 : 1898–1911 годы / Подгот. А. Айдиняном. М. : Бослен, 2008. 816 с.

8. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 13 т. (7 кн.). М. : Терра, Книжная лавка – РТР, 1994 [Электронный ресурс] // Библиотека русской и советской классики. URL: https://traumlibrary.ru/page/cvetaeva.html (дата обращения: 10.03.2023).

~

№ 4 (27), 2023
Перечень РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory,
НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Вопросы лингвистики

УДК 811.161.1

Корниюк Дарья Дмитриевна
Студентка направления подготовки «Филология»,
Институт общественных наук и международных отношений,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Россия, Севастополь, e-mail: korniyuk02@mail.ru.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРРАТИВОВ

В данной статье рассмотрена связь между видами эрративов и способами их образования. Были выделены графико-фонетический, графический, грамматический способы образования эрративов, а также совершенно новый — метатический — способ. Каждый проанализирован и проиллюстрирован примерами эрративных слов и конструкций интернет-мемов.

***Ключевые слова**: нормы языка, эрратив, виды эрративов, способы образования эрративов, интернет-коммуникация, мем.*

Darya D. Korniiuk
Student,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

WAYS OF ERRATIVES' FORMATION

***Abstract**. This article examines the relationship between the types of erratives and the ways they are formed. Graphic-phonetic, graphic, grammatical ways of forming erratives were highlighted, as well as a completely new — metatic — method. Each is analyzed and illustrated with examples of ergative words and constructions of Internet memes.*

***Key words**: language norms, errative, types of erratives, ways of erratives' formation, Internet communication, meme.*

Для цитирования:

Корниюк, Д. Д. Способы образования эрративов // Гуманитарная парадигма. 2023. № 4 (27). С. 68–74.

Эрративы в современном русском языке — явление достаточно новое и мало изученное. Под данным термином понимаются слова или выражения, которые имеют искажённое написание, при условии, что носитель языка знает литературную норму, а потому нарушение им орфографических норм воспринимается как сознательное. Подчёркнутая неграмотность и целенаправленное игнорирование норм литературного языка [5, с. 130] выступают частью языковой игры, «народного творчества», и лишь в таком качестве прирастют смыслами и представляют интерес для науки. В противном случае речь о нивелировании системы регуляторов языка и — шире — языковой культуры в целом.

В связи с популяризацией эрративов среди современной молодёжи актуальным стало изучение этого феномена. Одни из первых попыток научного обоснования эрративов как лингвистического явления были предприняты в 2008 году, когда некоторыми исследователями была определена природа эрративов, а также выявлены причины их появления и спрогнозировано дальнейшее развитие [2]. Одной из предпосылок появления эрративов полагается реформа русской орфографии 1918 года, вследствие которой произошла унификация ряда написаний в результате исключения из состава русского алфавита нескольких букв. Это гипотетически могло послужить началом своего рода «упрощения» письменной речи, механизмы которого, конечно, существенно разнятся. Как и в языке художественной литературы, в котором некоторыми учёными отмечаются следы использования эрративной лексики для передачи особенностей речи персонажей [6]. Так, обнаруживают их в творчестве русских классиков, например: А. Н. Островского (*«екзамент», «прынц», «миллионтов»)* и Н. С. Лескова *(«куфарка», «французинка», «бролиантовая»*) [8, с. 1321–1327]. Однако наиболее ориентированной на подобного рода словотворчество остаётся молодёжь. И, действительно, наиболее активное использование эрративной лексики наблюдается в среде носителей языка в возрасте от 17 до 25 лет. В ходе наблюдений за этим явлением «молодёжного» языка специалистами выявлены и описаны разные виды эрративов. Одна из их классификаций (наиболее подробная и полная) принадлежит Е. Ю. Викторовой, которая выделяет эрративы в отдельные группы в соответствии с качеством производимых в словах искажений: фонетических,

семантических, графических и грамматических [1]. Другие классификации учитывают, например, количество морфем в слове, подверженных нарочитому искажению, в зависимости от чего эрративы делятся на полные и неполные. Или — на первичные и вторичные в зависимости от того, какой материал подвергается искажению: намеренно ли эрративы искажают письменное написание и воспроизводят изустную форму слова (*«адназначно»*, *«малако»*, *«сонцэ»*) или представляют собой гиперкоррекцию предполагаемого первичного эрратива (*«кросавчег»*) [7, с. 78].

Несмотря на убеждение, что в результате слишком интенсивного использования того или иного явления, оно «прискучивает» [4], а в случае эрративов «попытки писать целые литературные произведения с применением этого языка ускоряют расставание с модой» [Там же], процесс создания эрративных слов и конструкций не просто продолжается, но и активно развивается. Хорошей «почвой» для создания и распространения эрративов служат интернет-мемы, так как они являются «креализованным текстом», то есть содержат в себе элементы вербального и невербального характера. В ходе инкорпорирования эрративов в мемы происходит появление коммуникативной ситуации, которая может выполнять как развлекательную функцию (посредством иронической, шуточно-снисходительной коннотации [9]), так и назидательную, и использоваться в определённых обстоятельствах общения в молодёжной среде. Именно материал интернет-мемов — пространства современной интернет-культуры благоприятной средой бытования эрративов — и был взят нами для анализа. Выявленное разнообразие представленных здесь примеров обусловило как один из важных для нашего изучения эрративной лексики вопрос о способах её образования. В ходе исследования было установлено, что способы образования содержащихся в меметических конструкциях эрративов напрямую связаны с их видами, в частности с теми, что классифицированы Е. Ю. Викторовой. В соответствии с характером искажений нормированного написания слов могут быть обозначены и такие способы образования эрративов, как графический, графико-фонетический, грамматический и метатический. Рассмотрим каждый из них и проиллюстрируем примерами.

Основным путём, с помощью которого образуется классический (традиционный) эрратив, является графико-фонетический. Этот способ образования предполагает написание слов в соответствии с их звуковым обликом. Так, носитель намеренно фиксирует на письме несоответствие между буквами и обозначаемыми ими звуками (по сути, по принципу «как слышу, так и пишу»). Например, в интернет-меме *«Шакалатка па акции»* эрратив *«шакалатка»* отражает звуковой облик слова «шоколадка», где

воспроизведена редукция безударных гласных в 1-м и 2-м слогах (как и далее в написании предлога «па») и ассимиляция по глухости согласного «д». В зависимости от исходного материала и количества искажённых морфем этот эрратив является первичным и полным. (Отметим, что в данной конструкции не подвергся искажению компонент «акции», который в соответствии со звучанием мог быть передан как «акцыи». Частичное искажение фразы, на наш взгляд, собственно и свидетельствует о языковой игре с нормой, безусловно, знакомой автору фразы).

К отдельной категории относится графический способ образования. Появляются слова, которые отличаются от традиционного варианта эрратива. Например, в интернет-меме *«З дравствуйте копмъютерные мышб ы закончились поэтому вот вам копмъютерны й кот»* эрратив *«з дравствуйте»* подразумевает, что «з» становится предлогом (в других случаях приставкой), несмотря на то, что по нормам это недопустимо, как и неслитное написание финали слова *копмъютерны й* (примером, обратным данному могут служить слитные написания типа *ачотакова*, *яжмать*). Другой пример: «*Толбко ты меня понемаеш газеровк / я не понемаю*», где *«понемаеш/понемаю»* эрративные формы, образованные графическим путём. Если при графико-фонетическом способе образования эрративов в графической форме слова находит отражение особенности его произношения, то при графическом — при произношении слова не наблюдается каких-либо существенных (за исключением интонационных — эффекта заикания на месте намеренного разрыва частей слова) изменений, искажение орфографической нормы заметно исключительно на письме. Так, в эрративных формах *«понемаеш/понемаю»* а) в конце глагола 2 лица ед. ч. отсутствует мягкий знак после шипящего «ш» и б) в корне слова «е» вместо «и».

Грамматический способ образования эрративов строится на намеренном искажении нормативного варианта формы слова. Такие изменения касаются различных грамматических категорий (падежа, числа, рода и др.), что соответственно влечёт за собой изменение формообразующих морфем: окончаний, суффиксов. Пример грамматического способа образования можно наблюдать в интернет-меме: «*Вы какой породы курочь??? Нагенец*». Эрратив *«курочь»,* исходным литературным вариантом которого стало слово *«курица»,* является первичным и неполным. Путём прибавления суффикса *«очк»* образовался диминутив «*курочка»* (слово с уменьшительно-ласкательным значением), который вследствие упрощения («отпадения» *«к»* из суффикса *«очк»*) трансформировался в эрратив *«курочь»* с нулевым окончанием. (Показательно, что в написании этого эрратива учтено другое правило, а именно: мягкий знак после шипящего в новообразованном

существительном женского рода). Другой пример подобного образования наблюдается в интернет-меме «*Рыбов продаёте? — Нет, показываем. — Красивое*», где эрратив *«рыбов»* относится к грамматическому способу, поскольку образован путём искажения нормированной формы множественного числа родительного падежа слова *«рыба» — «рыб»*.

Возьмём на себя смелость выделить такой способ образования эрративов, как метатический. В его основе лежит метатеза (намеренная перестановка звуков или слогов); целью её использования выступает привлечение внимания за счёт сложности произношения сочетаний *«пм»*, *«бм»*, *«цн»*, *«лб»* и др. Метатическим способом создаётся новый вид эрративов, проявившихся в интернет-мемах относительно недавно (последние несколько лет), и ранее исследованию не подвергавшихся. Создаётся эффект «намеренного спотыкания». Например, в вышеприведённом интернет-меме *«З дравствуйте копмъютерные мышб ы закончились поэтому вот вам копмъютерны й кот»* присутствуют эрративы, которые были образованы метатетическим способом. К ним относятся *«копмъютерные»* (сочетание «пм», нехарактерное для русского языка) и *«мышб ы»* (сочетание *«шб»*). В другом интернет-меме *«маленький кот — кот по болбше — вообще огромный кот жесть»* эрратив *«по болбше»* образован с помощью сочетания *«лб»* и отделения приставки *«по»* от корня (по принципу графического способа образования).

Таким образом, исследование интернет-мемов, в состав которых вошли эрративы, предоставило нам широкий материал для наблюдений за процессами образования эрративной лексики. Было установлено, что способы образования содержащихся в меметических конструкциях эрративов напрямую связаны с их видами (первичными и вторичными, полными и неполными) и могут быть классифицированы как графико-фонетический (традиционный), графический, грамматический и метатический.

Посредством выхода звуковой оболочки слова на первый план идёт искажение письменной формы, которая впоследствии выступает в качестве нормы, и такой способ образования приводит к созданию графико-фонетических эрративов (или традиционных), например, *«Шакалатка па акции»*. Наибольший эффект достигается в словах, где передача письменными знаками всех особенностей произношения отражает несоответствия между буквами и обозначаемыми ими звуками. Несколько отличается от него способ образования графических эрративов, в которых носитель языка искажает написание слова, а звуковой облик слова остаётся такой же, например, «*понемаеш*», *«З дравствуйте»* (интонационно на месте намеренного разрыва пауза удлиняется, создаётся эффект заикания). В

образованных подобным способом эрративах искажение заметно только на письме. Эрративы, образованные посредством грамматических искажений, содержат в себе намеренные ошибки в морфемах, вследствие которых может поменяться форма рода, числа, падежа слова, например, *«Рыбов продаёте?»*. В ходе исследования был выявлен совершенно инновационный способ образования эрративов – метатический, который основывается на эффекте «намеренного спотыкания» с использованием таких сочетаний, как *«пм»*, *«бм»*, *«цн»*, *«лб»* и др. (например, *«копмъютерный»*). Данный способ образования ещё не изучен в полной мере, однако перспективен для дальнейшего исследования эрративов, в том числе на материале интернет-мемов.

Литература

1. Викторова, Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4. С. 294–303.

2. Гусейнов, Г Ч. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику [Электронный ресурс] // Архивы форума «Говорим по-русски». URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 28.10.2022).

3. Гусейнов, Г. Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2000. № 3 (43). С. 289–321. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/zametki-k-antropologii-russkogo-interneta.html (дата обращения: 28.10.2022).

4. Гусейнов, Г. Ч. Эрратическая семантика. 7 фактов о нарочном искажении слов и выражений носителями языка [Электронный ресурс] // Postnauka. URL: https://postnauka.ru/faq/16214 (дата обращения: 28.10.2022).

5. Карасева, А. И. Роль и функции эрратива в интернет-сленге [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 2. С. 129–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-errativa-v-internet-slenge/viewer (дата обращения: 28.10.2022).

6. Карнауп, Е. В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter // Научное мнение. 2014. № 3 С. 141–146.

7. Корниюк, Д. Д., Цицкун, В. В. Влияние эрративов на речь современной молодежи // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. 2023. № 16. С. 75–84.

8. Кочетков, В. В. Соколов, А. Н. Намеренно ошибочные написания в текстах А.Н. Островского // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1321–1327.

9. Уткин, Ю. В. Эрратография: аспекты изучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011 № 37 (252). С. 136–139.

10. Цицкун, В. В., Корниюк, Д. Д. Эрративы как одно из средств передачи вербальной информации в интернет-меме // Art Logos. 2023. № 2 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/errativy-kak-odno-iz-sredstv-peredachi-verbalnoy-informatsii-v-internet-meme (дата обращения: 10.12.2023).

~

Авторам

Приём материалов
в очередной номер **№ 1 (28) за 2024 год**
журнала
«Гуманитарная парадигма»
проводится
до 1 марта 2024 года.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев:
учёных, исследователей,
докторантов и аспирантов,
студентов и магистрантов,
работников культурной и просветительской сфер,
представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал
- научно-аналитический,
- практико-методологический,
- литературно-творческий.